ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

В январе 1880 г. Плеханов покинул Россию, а недели через три жена получила от него известие, что он благополучно добрался до Женевы. Точный маршрут этой поездки остается до сих пор неизвестным, но есть основания полагать, что путь Плеханова лежал через Молдавию и Румынию, где он провел некоторое время в колонии русских политических эмигрантов в селе Армаклия близ Бабадага¹.

Что касается Розы, то она с дочкой Верочкой временно задержалась в России. Девочка с кормилицей жила на квартире Теофиллии Полляк, а сама Роза скрывалась сначала у писателя Н.Н.Златовратского, затем в Петергофе, а потом вернулась к дочери в Петербург. Несмотря на болезненное состояние и душевное смятение, она решила продолжить занятия медициной и стала готовиться к экзаменам на Высших женских медицинских курсах. Однако на экзаменах ее «срезали» (надо полагать, совершенно сознательно), и Роза решила заняться практической революционной работой в петербургской организации чернопередельцев, которую возглавил теперь П.Б.Аксельрод.

Тем временем Плеханов настойчиво звал жену в Швейцарию. И снова в ее душе вспыхнули сомнения, нашедшие отражения в позднейших воспоминаниях: «Если бы любимый мною человек, — думала я, — был сослан в каторгу, я считала бы своей обязанностью последовать за ним, так как моя близость нужна была бы ему для поддержки его моральных и физических сил. За границей он на свободе, поддержка моя ему не нужна, и, как бы слабы ни были мои силы, я их должна отдать народу и революции». Кроме того, Роза уже хорошо знала по рассказам товарищей, как горька судьба русского эмигранта-революционера: чужая страна, вечные заботы о хлебе насущном, отсутствие работы, друзей... Нужно было решать: либо посвятить всю себя любимому человеку, жить только для него и «при нем», либо остаться на родине и целиком переключиться на занятие революционным делом.

Сомнения разрешила Евгения Рубанчик, которая тоже участвовала в работе кружка Аксельрода. «Плеханов стоит того, чтобы

отдать ему жизнь, — сказала она Розе. — Этим вы больше сделаете для революции и русского народа, чем покинув его и отдавшись общественному делу. Поезжайте, Розалия Марковна, и как можно скорее» 1.

Повидавшись в Одессе с родителями и получив от отца заграничный паспорт на имя своей двоюродной сестры и деньги, Роза в начале июня 1880 г. приехала в Швейцарию, оставив дочь в России на попечении верной подруги Теофиллии Полляк. Однако вскоре девочка заболела и умерла. Нетрудно представить, как казнила себя несчастная мать, которой казалось, что, будь она рядом, Вера могла бы жить и жить... А на сердце у Плеханова появился еще один рубец: ведь это был уже второй его ребенок, от которого он

так и не услышал долгожданного слова «папа».

В Швейцарии Георгий и Роза обосновались в Женеве - спокойном университетском городе на берегах реки Рона и Женевского озера с видом на Монблан. Рядом со старинными зданиями X-XII веков здесь было много вполне современных домов, красивых парков и набережных, а на окраинах сохранялись маленькие улицы и улочки, как будто сошедшие со средневековых гравюр. Женева была центром одноименного кантона и находилась во франкоязычной части Швейцарии. Город славился своими демократическими традициями и издавна охотно принимал эмигрантов из других стран, находивших тут убежище от религиозных и политических гонений на родине. Здесь жили гарибальдийцы и участники польского восстания 1863 г., немецкие социал-демократы, покинувшие бисмарковскую Германию в годы «исключительного закона против социалистов», и бывшие парижские коммунары. С 1864 г. в Женеве, которая быстро превращалась в один из промышленных центров Швейцарии, стали появляться секции I Интернационала, а в 1866 г. здесь состоялся один из его конгрессов.

С Женевой и ее окрестностями прочно ассоциировались такие знаменитые имена, как Кальвин, Руссо, Вольтер. Для русских революционеров здесь были свои памятные места. В 1865—1867 гг. в Женеве издавался «Колокол» Герцена и Огарева, а в 70-е годы — «Набат» Ткачева, народническая революционная газета «Работник» и журнал «Община». Здесь находили приют Бакунин и Кропоткин, члены русской секции I Интернационала.

Уезжая из России, Плеханов договорился с Засулич и Дейчем встретиться в Женеве. Теперь, когда они вновь были вместе, Георгий уже не чувствовал себя таким одиноким, как в первое время по приезде в Швейцарию. Кроме того, Плеханов и его друзья установили очень хорошие отношения с польскими эмигрантами Л.Варыньским, Ш.Дикштейном, С.Мендельсоном и их товарищами, которые жили в Женеве коммуной и издавали на польском языке

¹ См.: Гросул В.Я. Невыясненный эпизод из биографии Г.В.Плеханова // Кодры. 1970. № 12. С. 140-141.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. б. С. 111.

социалистический журнал «Равенство» («Rownos»). Гораздо сложнее обстояло дело с другим новым знакомым - сорокалетним украинским ученым и публицистом М.П. Драгомановым, уволенным в 70-х годах из Киевского университета, где он преподавал литературу, за украинофильские тенденции и политическую «неблагонадежность» и вынужденным эмигрировать в Швейцарию. Драгоманов издавал журнал «Громада», часто выступал на эмигрантских собраниях и пользовался среди выходцев из России довольно большим авторитетом. Это был высокообразованный, гостеприимный человек, который сначала отнесся к Плеханову, Засулич и Дейчу с явной симпатией. Однако царивший в его доме культ «самостийной» Украины, постоянные намеки на какой-то великорусский шовинизм, которым якобы были заражены все русские революционеры-эмигранты, а также крайне недружелюбное отношение Драгоманова и его сторонников к польским социалистам вскоре привели к охлаждению установившихся было добрых отношений.

Надо сказать, что чернопередельцы оказались за границей в очень сложном положении. Постоянная материальная нужда, явное недоброжелательство сторонников «Народной воли», деятельность которой была окружена за рубежом ореолом революционной романтики и героизма, прозрачные намеки на то, что отъезд из России накануне решающей схватки с самодержавием был в сущности дезертирством, - все это не могло не выводить Плеханова и его друзей из состояния душевного равновесия. Ведь сторонниками «Народной воли» были и находившийся в то время в Швейцарии С.М.Кравчинский, и старый последователь Бакунина Н.И.Жуковский, и П.Л.Лавров со своим парижским окружением, и анархист П.А.Кропоткин, и даже женевские поляки, с которыми так сблизился Плеханов. На еженедельных женевских собраниях, на которые съезжались русские эмигранты из Цюриха, Берна, Кларана, Базеля, регулярно шли острые дискуссии о положении дел в России и разногласиях между «Народной волей» и «Черным переделом», причем даже блестящий полемический талант Плеханова не мог спасти его от поражений в этих спорах. Недаром после одного из таких диспутов он сделал следующую запись: «Слова мои по поводу наших террористов вызвали множество возражений. Даже основная мысль моя подверглась оспориванию»1.

Можно, пожалуй, лишь порадоваться тому, что до Плеханова не дошли тогда весьма неблагожелательные отзывы К.Маркса о чернопередельцах, относящиеся к осени 1880 г. Если учесть, с каким пиететом относился к нему Плеханов, нетрудно предположить, что подобная информация вызвала бы в душе лидера «Черного передела» чувство отчаяния.

История взаимоотношений Плеханова с Марксом и Энгельсом — это большая самостоятельная тема, которая уже на раз поднималась в нашей исторической литературе. Было время, когда отдельные ее эпизоды, не укладывавшиеся в благостную, иконоподобную схему полного и трогательного взаимопонимания, которое якобы всегда царило между этими тремя людьми, просто замалчивались в советской историографии, тогда как западные историки не без злорадства писали о том, что Маркс и Энгельс далеко не сразу поддержали своих русских учеников. Теперь мы можем говорить об этом спокойно и объективно, хотя и не без некоторой горечи.

Видимо, впервые Маркс услышал имя Плеханова в 1880 г., когда возникла идея издавать в Лондоне газету «Нигилист» под редакцией В.И.Засулич. Участвовать в ней должны были и Маркс, и Плеханов. Издание не состоялось, но зато Маркса познакомили с номером «Черного передела» с весьма неприятной для него статьей одного из вожаков левосектантского анархистского течения в германской социал-демократии Иоганна Моста. Неблагоприятную информацию о чернопередельцах мог дать Марксу и народоволец Лев Гартман (после освобождения из-под ареста во Франции в связи с участием в покушении на царя он обосновался в Лондоне), котя Г.В.Плеханов вместе с С.М.Кравчинским и Н.И.Жуковским в мае 1880 г. специально приезжал в Париж для того, чтобы хлопотать за него у президента Франции Ж.Клемансо¹.

Так или иначе, у Маркса сложилось вначале явно негативное мнение о «Черном переделе» и его руководителях. «Эти люди, — писал он 5 ноября 1880 г. Ф.Зорге, — большинство их (не все) являются теми, кто добровольно покинул Россию, — образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, они уезжают в Женеву!..). Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна единым махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина» 2.

В этом резком и далеко не во всем справедливом отзыве (чего стоят хотя бы слова о будто бы добровольном отъезде Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича из России) проскальзывает откровенная враждебность Маркса к Бакунину и его последователям, а также неприятие им критики «Народной воли», борьба которой с

¹ Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 1. С. 147.

¹ Подробнее см.: Твардовская В.А. Г.В.Плеханов и «Народная воля» / Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 92, 98−100.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 380.

правительством Александра II оценивалась тогда Марксом и Энгельсом очень высоко.

Несмотря на тяжелую психологическую обстановку, Плеханов с головой ушел в Швейцарии в работу, которая всегда была для него лучшим лекарством от душевных невзгод. Он стал посещать лекции в Женевском университете, часто пропадал в библиотеке, но особенно много сил отдавал подготовке новых номеров «Черного передела». В октябре - ноябре 1880 г. почти одновременно был переиздан (видимо, с определенными коррективами) первый и заново

отпечатан второй его номера1.

Плеханов был по-прежнему убежден в то время, что главное для народа — это его социальное освобождение, тогда как чисто политические вопросы имеют для рабочих и крестьян лишь второстепенное значение. Исходя из этого, он требовал направить основные силы революционеров на подготовку народа к аграрной революции. Однако Плеханов уже дозрел до мысли, что поскольку нужда все больше отрывает крестьянина от земли и гонит его на заработки в город, постольку и «центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам». А это означает, что работа революционеров в пролетарской среде будет приобретать в России все большее значение, ибо еще неизвестно, в деревне или в городе будут вербоваться главные силы социально-революционной партии в час грядущей революции. Поэтому революционеры, по мнению Плеханова, должны укрепиться в ожидании решающих событий и на фабрике, и в деревне, провозгласив простой, всем понятный лозунг: «Рабочий, бери фабрику, крестьянин землю!» и связав воедино революционные организации промышленных и земледельческих рабочих2.

Затронул Плеханов во втором номере «Черного передела» и вопрос о методах революционной работы в народе. Признавая большое значение социалистической пропаганды, он тем не менее справедливо (основываясь, в частности, и на собственном, пусть небольшом, опыте) считал, что по-настоящему расшевелить массу рабочих и крестьян может только революционная агитация. При этом Плеханов решительно протестовал против любых попыток «усечения» революционных лозунгов ради придания им большей доходчивости и популярности в менее развитых слоях населения. Организация поземельного кредита, увеличение наделов, уменьшение податей, расширение крестьянского самоуправления и ограждение его от произвола администрации, писал он, хороши только как повод для революционной агитации. Но единственной ее целью должно быть

приведение указанных частных требований «к одному общему знаменателю экономической революции» 1.

Таким образом, оказавшись за границей, Плеханов какое-то время еще стоял как бы на распутье. С одной стороны, он продолжал верить в особый, отличный от Запада путь развития России и считал, что она может перескочить от средневековья и самых первоначальных стадий развития капитализма прямо к социалистическому строю. С другой, - взгляды Плеханова на значение политической свободы становятся в этот период, несомненно, более трезвыми и гибкими, чем прежде. Характерно в этом отношении его письмо неустановленному адресату от 12 декабря 1880 г., в котором, в частности, говорилось: «Я во многом изменил свои взгляды. Таково влияние Запада... Анархический абстенционизм (политическое воздержание. -C.T.) бессилен так же, как сама анархия. К сожалению, я несколько лет держался этого нелепого взгляда... Жизнь на Западе многому меня научила. Охотно сознаюсь в своих ошибках»². Оглядываясь позже на пройденный путь, Плеханов вспоминал, что чем больше знакомились чернопередельцы с марксизмом, тем все более сомнительным — и с точки зрения теории, и с точки зрения практики - становилось для них народничество. Ко времени выхода второго номера «Черного передела», т.е. к осени 1880 г., Плеханов, по его собственному признанию, был уже едва ли не наполовину социал-демократом3.

Очень скоро жизнь в Женеве начала тяготить его: безумно хотелось вырваться из атмосферы эмигрантских склок, попасть в большой европейский культурный центр, ближе познакомиться с западным социалистическим движением. Поэтому в ноябре 1880 г. супруги Плехановы двинулись в «столицу мира», как называли тогда Париж. Этот удивительный город буквально покорил их сердца. После тихой, немного мещанской Швейцарии – бьющая ключом, чуть легкомысленная и в то же время интеллектуальная насыщенная парижская жизнь, полная свобода и непринужденность в высказывании собственного мнения, взаимная терпимость, поистине фантастическое разнообразие взглядов, вкусов, привычек... Приезд Плеханова во Францию совпал с периодом оживления там демократического и рабочего движения. После десятилетней ссылки в Новую Каледонию вернулись домой парижские коммунары, восторженно встреченные народом. В конце 1880 г. в Гавре прошел съезд Рабочей партии, принявший программу, выдержанную в целом уже в марксистском духе. На рабочих собраниях и в печати шли яростные споры между прудонистами, сторонниками реформизма - так называемыми поссибилистами, марксистами, анархо-

¹ Следующие три номера «Черного передела» вышли в 1881 г. в Минске, после чего издание прекратилось. ² Плеханов Г.В. Соч. Т. І. С. 131.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. І. С. 130.

² Цит. по: Гросул В.Я. Указ. соч. / / Кодры. 1970. № 12. С. 131.

³ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 26.

синдикалистами. Да, в Париж стоило приехать уже хотя бы для того, чтобы увидеть все это собственными глазами и послушать великолепных французских ораторов. А ведь кроме того, Париж — это еще и богатейшие библиотеки, Лувр, Версаль, Собор Парижской богоматери, Большая опера, старинные средневековые улочки

и переулки...

Каждый проведенный здесь день был заполнен у Плеханова до предела: работа в библиотеке, изучение немецкого и английского языков, посещение лекций в Сорбонне и рабочих собраний, встречи с интереснейшими людьми — П.Л.Лавровым, немецким социал-демократом Георгом Фольмаром, французским социалистом Жюлем Гедом. Особенно сильное впечатление произвел на Плеханова Гед. Сначала он услышал несколько его публичных выступлений, затем Роза познакомилась с женой Геда, Марией, которая была эмигранткой из России, и стала регулярно навещать ее в качестве врача, а в новогодний вечер 31 декабря 1880 г. к Плехановым заглянул и сам Гед, чтобы поблагодарить за заботу о жене. Оживленная беседа затянулась за полночь. Оказалось, что Гед в прошлом тоже очень увлекался бакунизмом, был знаком с работами Чернышевского, а затем стал одним из первых пропагандистов идей марксизма во Франции. Это знакомство заставило Плеханова еще раз задуматься и о своей собственной судьбе, в которой было немало интересных совпадений с судьбой Геда. Наверняка говорили они и о Марксе, в лондонском доме которого недавно побывал Гед. Навсегда остались в памяти Плеханова и два других очень ярких события, связанных с той парижской зимой 1880-1881 года: выступление известной коммунарки Луизы Мишель и похороны выдающегося французского революционера Огюста Бланки.

А 1 марта 1881 г. в Петербурге произошло событие, которое всколыхнуло всю Европу: «Народная воля» казнила, наконец, Александра II. Убийство царя вызвало у Плеханова противоречивые чувства: склоняя голову перед народовольцами, которые пожертвовали собой, чтобы «подтолкнуть» народную революцию, он в то же время не мог не чувствовать всей бессмысленности этого шага, который не только не разбудил народ, но и отодвинул намечавшиеся политические реформы. Позже Плеханов вспоминал, что и в письмах к друзьям, и на особраниях русской колонии в Париже он не раз высказывал глубокое убеждение в том, что, покончив с Александром II, «Народная воля» нанесла себе непоправимый удар и поэтому на 1 марта 1881 г. нужно смотреть как на конец народо-

вольчества1.

Оправившись от шока, вызванного гибелью отца и страхом за свою собственную жизнь, новый русский император Александр III поставил крест на конституционных проектах М.Т.Лорис-Меликова

и начал решительное наступление на революционеров. 26 апреля в Петербурге состоялась последняя в истории России публичная казнь. За организацию убийства Александра II при большом стечении народа были повешены Софья Перовская, Андрей Желябов, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов и Николай Рысаков. Тем не менее «Народная воля» как бы по инерции еще продолжала свое существование: готовила новые террористические акции, вела работу среди молодых офицеров, печатала прокламации. Это была затяжная, многолетняя агония, не обошедшая стороной не только прямых, но и косвенных участников драмы, в том числе и Плеханова.

Между тем весной 1881 г. в жизни эмигрантов-чернопередельцев произошло еще одно событие, которое стало важной вехой в истории их взаимоотношений с Марксом. Оно неоднократно привлекало затем внимание историков и сравнительно недавно вновь получило довольно широкий общественный резонанс. Напомним. что летом 1990 г. на обложке седьмого номера российского общественно-политического журнала «Диалог» появился интригующий и броский заголовок: «Плеханов, Засулич и вся группа «Освобождение труда» пошли на нравственное преступление, спрятав письмо Маркса». По утверждению автора статьи «Утаенное письмо» Г.И.Куницына, Г.В.Плеханов и В.И.Засулич совершили неблаговидный поступок, скрыв от общественности письмо Маркса к Засулич от 8 марта 1881 г., где речь шла о судьбе русской крестьянской общины. Тем самым они сознательно дезориентировали участников революционного движения в России, направив их по ложному, тупиковому пути.

Маленькая сенсация вызвала оживленные толки, комментарии и отклики специалистов, позволившие пролить свет на эту мнимодетективную историю¹. Мы уже говорили о том, что для Плеханова и других народников вопрос об общине был одним из краеугольных камней их тогдашней концепции русской революции. Правда, к тому времени, когда Плеханов оказался в эмиграции, его вера в жизнеспособность общинных порядков в России, уже дала глубокую трещину и потускнела под напором неопровержимых фактов, говоривших о проникновении в деревню капиталистических отношений. Плеханов сомневался, мучился, верил и уже не верил в то, что община поможет русским революционерам вывести свою страну

на путь социалистического развития.

В.И.Засулич прекрасно знала об этом, да и сама находилась в состоянии душевного смятения, которое особенно усилилось после знакомства с опубликованной в журнале «Отечественные записки»

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 27.

¹ См.: Конюшая Р.П. Утаил ли Плеханов письмо Маркса?; Филимонова Т.И. Так создаются легенды / Диалог. 1990. № 11, 12; Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Завершен ли диалог в «Диалоге»? / Коммунист. 1990. № 18 и др.

статьей В.П.Воронцова «Судьбы капитализма в России». Он утверждал, что в России происходит лишь «игра в капитализм», который насаждается по прихоти правительства, но не имеет глубоких корней в народной жизни, иронически называл буржуазный строй «трактирной цивилизацией», а пролетариат — людьми без будущего. Вокруг статьи Воронцова сразу же вспыхнули жаркие споры, захватившие и русскую эмиграцию. В Женеве ее горячо обсуждали Засулич, Кравчинский, Стефанович, Дейч, польские социалисты Варыньский и Дикштейн. Мнения разделились, и товарищи попросили Веру Засулич написать Марксу с просьбой разрешить их сомнения.

Письмо Засулич Марксу от 16 февраля 1881 г., направленное в Лондон, было очень искренним, по-женски эмоциональным и просто не могло оставить адресата равнодушным. Засулич ставила вопрос, что называется, ребром: либо-либо. Либо сельская община. освобожденная от чрезмерных налогов и полицейского произвола, способна постепенно организовать производство и распределение продуктов на коллективистских началах, — и тогда революционеры должны отдать все свои силы делу освобождения таящихся в ней могучих сил. Либо она, наоборот, обречена на гибель, и революционерам остается лишь заниматься подсчетами: через сколько десятков лет крестьянские земли перейдут в руки буржуазии и через сколько сотен лет (обратите внимание на эти цифры!) капитализм в России, может быть, достигнет такого же уровня развития, как в Западной Европе. В этом последнем случае, писала Засулич, русским революционерам-социалистам пришлось бы вести пропаганду только среди городских рабочих, которые постоянно «затоплялись» бы массой крестьян, выбрасываемых разлагающейся общиной на улицы больших городов в поисках заработка. Засулич просила Маркса изложить его взгляды на русскую общину, а также на приписываемую ему теорию, согласно которой «в силу исторической необходимости все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства». Кроме того, она просила дать разрешение на публикацию ответа Маркса на русском языке1.

Незадолго до этого почти с аналогичной просьбой к Марксу обратился другой русский революционер, народоволец Николай Морозов. Вот почему Маркс, которого уже давно интересовала Россия, ее социально-экономический строй, культура и общественное движение, с интересом и сочувствием встретил послание Засулич и решил подготовить развернутый ответ. Им было составлено несколько черновых вариантов, представляющих огромный интерес для любого историка, социолога или экономиста, но в Женеву было отправлено 8 марта 1881 г. довольно лаконичное и несколько суховатое письмо, содержавшее тем не менее ответы на оба поставлен-

ных Засулич вопроса. Причиной немногословности Маркса, видимо, было его плхоое самочувствие и тяжелое душевное состояние после смерти жены, а также известные события 1 марта 1881 г. в Петербурге, которые могли круто изменить положение дел в России и требовали отложить до лучших времен чисто теоретические дискуссии.

Глава II. От народничества к марксизму

Как свидетельствуют документы из архива Маркса, в последние годы своей жизни он уже достаточно скептически относился к социалистическим потенциям русской крестьянской общины, однако предпочитал не делать пока каких-либо окончательных выводов о ее будущей судьбе. Против этого решительно восставали и его совесть ученого, и элементарное чувство такта по отношению к революционерам-народникам, которые придавали вопросу об общине огромное значение1. Поэтому Маркс ограничился тем, что указал на отсутствие в «Капитале» — а именно на этот фундаментальный труд ссылалась Вера Засулич — доводов за или против жизнеспособности русской общины. Вместе с тем он признал возможность ее сохранения при условии устранения различных «тлетворных влияний, которым она подвергается со всех сторон», и обеспечения ей нормальных условий для свободного развития. В этом случае, по мнению Маркса, община может стать «точкой опоры социального возрождения России». Важно также подчеркнуть, что Маркс счел нужным специально оговорить сугубо частный характер своего письма, которое не предназначалось им для печати2.

Мы не знаем, как отреагировала на все это Засулич. Может быть, авторитет Маркса на время приглушил ее сомнения, хотя большой пищи для ума она, скорее всего, в ответе из Лондона не нашла. А что же Плеханов? Напомним, что он был в то время в Париже и узнал о письме Маркса от Дейча, который скопировал для него и весь текст ответа³. Это было в марте 1881 г., и с тех пор следы письма на долгие годы затерялись.

Что касается взглядов Маркса и Энгельса на общину, то они очень скоро стали достоянием гласности. Это произошло после публикации в 1882 г. авторского предисловия к сделанному Плехановым переводу «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. В нем, в частности, говорилось: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом комму-

¹ См.: Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1924. Кн. 1. С. 269-270.

¹ Об этом со ссылкой на Э.Бернштейна, который часто общался с Энгельсом, рассказывал в предисловии к публикации письма Маркса Засулич тогдашний директор Института Маркса и Энгельса Д.Б.Рязанов / Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. Кн. 1. С. 267.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 420.

³ См.: Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1924. Сб. 2. С. 218-219.

нистического развития» 1. Добавим, что еще за три месяца до появления в Женеве самой брошюры с переводом «Манифеста» текст предисловия Маркса и Энгельса в конце февраля 1882 г. был опубликован в Петербурге в нелегальном революционном журнале «Народная воля». Конечно, количество людей, познакомившихся тогда с мыслями Маркса и Энгельса, было очень невелико, но для нас важно другое: никакой особой тайны здесь не существовало, и если бы даже Засулич, вопреки воле Маркса, немедленно опубликовала его письмо, это мало что изменило бы, особенно если принять во внимание предельную осторожность марксовых формулировок и крайнюю гипотетичность всей ситуации.

В самом деле, Маркс явно предпочел воздержаться тогда от каких-либо жестких выводов относительно судеб российского капитализма и крестьянской общины. В одном из черновых вариантов своего ответа на письмо Веры Засулич он подчеркивал, что врожденный дуализм общины, в которой сосуществуют общественная и частная собственность, совместный и индивидуальный труд, допускает альтернативное решение вопроса о направлении ее дальнейшего развития: либо частнособственническое начало возьмет в ней верх над началом коллективистским, либо победу одержит последнее2. Говоря о факторах, которые благоприятствовали бы сохранению общины, Маркс отмечал привычку русских крестьян к артельным отношениям, например, совместный труд на общинных лугах. Упоминал он и о физическом рельефе русской равнины, позволявшем применять на полях машины. Однако Маркс не закрывал глаза и на факты разложения общины, на рост в ней имущественного неравенства. В конечном счете свои надежды на возраждение и спасение общины он связывал с радикальным изменением социально-политических условий ее существования: «Чтобы спасти русскую общину, — писал Маркс, — нужна русская революция»3. Вот почему можно сказать, что вопрос о некапиталистическом пути развития России все время ставился Марксом в сослагательном наклонении, в зависимости от возможности соединения русской и европейской революций.

Как бы то ни было, легенда об «утаенном» письме Маркса, возникшая еще в 80-х годах прошлого века, оказалась очень живучей. Когда в 1923 г. оно неожиданно было обнаружено за границей в личном архиве П.Б.Аксельрода и в 1924 г. опубликовано в Берлине Б.И.Николаевским, на эту публикацию немедленно откликнулся едва ли не самый крупный в то время советский специалист по истории марксизма Д.Б.Рязанов. Он опубликовал переводы черно-

вых вариантов ответа Маркса Засулич, обнаруженные им еще в 1911 г., когда, находясь в эмиграции, он разбирал у Лафаргов архив Маркса, а также перепечатал обнародованный Николаевским окончательный текст этого важного письма. Рязанов сообщил, что в свое время обращался с соответствующими запросами к Плеханову и Засулич, а возможно, и к Аксельроду, но те в один голос заверили его, что о письме Маркса, датированном мартом 1881 г., им ничего не известно. Рязанов не преминул при этом бросить двусмысленную фразу о «странной забывчивости» основателей группы «Освобождение труда» и добавил, что еще в 1889 г., будучи в Швейцарии, слышал самые фантастические рассказы о переписке между членами группы и Марксом по вопросу об общине и даже о каком-то личном столкновении на этой почве между Марксом и Плехановым!1.

В 1957 г. этот сюжет вновь возник на страницах меньшевистского эмигрантского журнала «Социалистический вестник», издававшегося тогда в Нью-Йорке. Е.Юрьевский!2 опубликовалтамстатью под названием «Мысли о Г.В.Плеханове», где со ссылкой на его вдову, Р.М.Плеханову, изложил уже откровенно антиплехановскую версию истории с письмом Маркса, согласно которой в марте 1881 г. Георгий Валентинович якобы уговорил Засулич никому пока не показывать этот документ, поскольку позиция Маркса не подкреплена там фактами и в то же время немилосердно «портит» все его, Плеханова, «теоретические чертежи». Позже, в 1885 г. Плеханов якобы пошел еще дальше, убедив Веру Ивановну, что лучше всего было бы вообще навсегда забыть об этом письме, поскольку оно только укрепляет народнические иллюзии и мещает марксистам.

Уже упоминавшийся выше Б.И.Николаевский, ставший к тому времени эмигрантом с тридцатилетним стажем, немедленно выступил с опровержением этого навета. Он сообщил читателям «Социалистического вестника», что сам спрашивал о письме Маркса у Р.М.Плехановой, но та сказала, что ничего об этом не помнит. Поэтому Николаевский в деликатной форме высказал предположение, что рассказ Юрьевского основан, вероятно, на недоразумении. По словам Николаевского, П.Б.Аксельрод высказал в свое время предположение, что Засулич оставила у него это письмо еще в 1884 г., причем он его тогда даже не читал. Никакого злого умысла со стороны членов группы «Освобождение труда» Николаевский во всей этой истории не обнаружил. Он соглашался с тем, что бывшим меньшевикам необходимо очень внимательно относиться к своему прошлому, но руководствоваться при этом сугубо принципиальными, а не конъюнктурными соображениями. В заключение Никола-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305.

² Там же. С. 419.

 $^{^3}$ Там же.-С. 410. Подробнее об этом см.: История марксизма-ленинизма. М., 1990. Т. 2. Ч. 2. С. 69 — 82.

¹ См.: Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. Кн. 1. С. 266.

² Это был один из литературных псевдонимов Н.В.Валентинова.

евский писал: «...Меньше всего мы должны останавливаться перед критикой отдельных лиц. В частности, я лично ни в коей мере не считаю моим героем в истории российской социал-демократии Г.В.Плеханова. У него, конечно, была не только «десница», но и «шуйца», даже не одна. Но мы должны быть не только смелы и идти до конца в критике. Мы должны быть и справедливы» 1. Прекрасные слова, к которым нечего добавить и сегодня.

И сколько бы ни говорили сегодня о том, что русский марксизм и лично Плеханов начали с обмана общественности и «утайки» письма Маркса, что марксизм изначально аморален, основан на лжи и т.д., факты не подтверждают эту версию. Мы еще вернемся к вопросу о судьбах крестьянской общины в России, но не будем забывать, что они зависели не от нескольких строчек Маркса и не от воли его русских учеников, а от объективного хода социально-экономических процессов, которые шли в нашей стране в конце XIX—начале XX в. и были сильнее любого идеолога и вождя. Да и что в данном случае мог сделать Плеханов? Закрыть шлагбаум перед русским капитализмом? Дать своим товарищам приказ денно и нощно охранять общину? Молиться о скорейшем приходе европейской революции?

Но вернемся к событиям 1881 г. В Париже Плехановы жили вместе с приехавшей из России Теофиллией Полляк. Главным источником их существования были разного рода случайные заработки. Георгий тоже стремился внести посильную лепту в скудный семейный бюджет, но ему классически не везло. Однажды он взялся за перевод романа, но издатель неожиданно исчез, не заплатив за работу ни гроша. Затем Плеханов за мизерную плату стал надписывать конверты, однако заказчик грубо оскорбил его, и он ушел, так и не взяв честно заработанных денег.

Между тем в мае 1881 г. на свет появилась Лидия-Софья Георгиевна Боград² (ее второе имя было дано в честь известной революционерки-народоволки Софьи Перовской, незадолго до этого казненной за участие в покушении на Александра II), а вместе с ней — новые хлопоты, тревога и, конечно, новые расходы. Поэтому Плеханов был несказанно рад, когда по рекомендации П.Л.Лаврова Н.К.Михайловский заказал ему статью для известного петербургского журнала «Отечественные записки», название которого ассоциировалось у каждого русского интеллигента с именами В.Г.Белинского, Н.А.Некрасова, М.Е.Салтыкова-Щедрина. Печататься в таком издании было для Плеханова большой честью. Темой статьи

стал разбор книг двух экономистов — немца Морица Майера и

француза Эм. де Лавелейе, а называлась она «Новое направление в области политической экономии» и была опубликована в 11-м номере «Отечественных записок» за 1881 г. под псевдонимом «Г.Валентинов».

Лето 1881 г. Плеханов с женой и маленькой дочерью провели в деревушке Мольери под Парижем. Оттуда он часто ездил к П.Л.Лаврову, который предложил ему пользоваться своей библиотекой, работать и даже ночевать в его кабинете. Их беседы затягивались далеко за полночь, но ровно в семь часов утра пунктуальный Петр Лаврович неумолимо будил своего молодого «жильца».

Более близкое знакомство с Лавровым дало Плеханову очень многое. Думается, что он был вполне искренен, когда в ответ на поздравления Лаврова в связи с публикацией в «Отечественных записках» статьи «Новое направление в области политической экономии» писал ему: «Вы поздравляете меня с успехом; от всей души благодарю Вас, милый Петр Лаврович; тем более что помещением моей статьи, «успехом» я обязан Вам. С тех самых пор, как во мне стала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях. Затем, когда, взявшись за литературную работу, я искал поддержки и указания, Вы снабжали меня материалами, советами, указаниями и рекомендациями» 1.

Тем временем, чувствуя, что ребенок невольно мешает Плеханову в его работе, Роза вернулась в Швейцарию и поселилась с дочерью в местечке Божи, близ Кларана, а сам он задержался во Франции, чтобы расплатиться с кредиторами. В сентябре 1881 г. Плеханов вернулся к семье и засел за выполнение нового заказа редакции «Отечественных записок» — статьи о взглядах известного в то время немецкого экономиста Карла Родбертуса-Ягецова. Она оказалась очень большой и была напечатана в четырех номерах журнала в 1882 и 1883 гг. Прочитав ее, профессор Базельского университета А.Тун предлагал Плеханову перевести свое сочинение на немецкий язык и защитить его в качестве докторской диссертации, гарантируя успех, но автор только посмеялся в ответ².

Интеллектуальная жизнь Плеханова в начале 80-х годов — это уникальный по интенсивности и результативности процесс выработки нового мировоззрения и радикального пересмотра прежних взглядов на историческое развитие России и задачи русских социалистов. Георгий Валентинович буквально «глотал» огромное количество книг, работал с 8 часов утра до полуночи с небольшими

¹ Диалог. 1990. № 12. С. 83.

² В связи с тем, что брак Г.В.Плеханова с Р.М.Боград не был зарегистрирован, их дочери до официального развода Плеханова с его первой женой носили фамилию Боград (см.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 201. Л. 14 об).

¹ Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 86. По свидетельству Р.М.Плехановой, Михайловский очень ценил литературный талант Г.В.Плеханова и в письме к Лаврову называл его новым Добролюбовым (см.: Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 136).

² См.: Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1926. Сб. 5. С. 278.

перерывами для прогулки и послеобеденного отдыха, читал не только дома, но и в лесу, в горах, часто прямо на ходу. Он жадно впитывал впечатления от западноевропейской жизни, изучал опыт зарубежного социалистического и рабочего движения. Заметно менялось, в частности, и его отношение к германским социал-демократам: если в 1877 г. они казались ему «пресными» и неинтересными, то уже летом 1880 г., выступая в Видене, близ Цюриха, на их съезде, он заговорил совсем другим языком. «Германская социалдемократия всегда играла выдающуюся роль в великой борьбе, ведущейся под знаменем освобождения труда от гнета капитала. Ее теоретики были провозвестниками и основоположниками современного научного социализма, ее организация и всегда свойственные ей солидарность и дисциплина, с одной стороны, служили примером для социалистов других стран, с другой стороны, внушали с давних пор страх и тревогу международной буржуазии». Плеханов подчеркнул, что цели русских социалистов в общем и целом вполне совпадают с целями социалистов всех цивилизованных стран, а следовательно и с целями германской социал-демократии. Он заверил немецких товарищей в том, что в решительную минуту их борьбы русские социалисты не замедлят делом доказать свою симпатию и солидарность1.

Можно лишь пожалеть, что Плеханов не вел тогда подробных дневниковых записей и писал мало писем, позволивших бы историку год за годом, месяц за месяцем, день за днем проследить эволюцию его философских и политических позиций. Трудно судить и о том, насколько тяжело дался ему переход от одной системы взглядов (народнической) к другой (марксистской), какие проблемы вставали здесь перед ним в нравственном плане. Очевидно, процесс этот был достаточно сложным и болезненным, но благодаря силе и твердости своего характера, душевному здоровью и полемической закалке, Плеханов сумел избежать психологических кризисов и срывов. Он не «сломался», не впал в творческую депрессию. Борьба, полемика, спор были его второй натурой, и это помогало ему устоять в самых трудных жизненных ситуациях.

Вспоминая позже об этом времени, Плеханов писал, что он и его товарищи буквально набрасывались на социалистическую литературу, среди которой сочинения Маркса и Энгельса занимали, конечно, первое место². В его записной книжке той поры сохранились упоминания о приобретении книг Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Кельнский процесс коммунистов», «Гражданская война во Франции», книги Энгельса «Анти-Дюринг» и его работ «К жилищному вопросу» и «Бакунисты за работой». К 1880—

1882 гг. относится также начало изучения Плехановым совместного труда Маркса и Энгельса «Святое семейство» и работы Маркса «К критике политической экономии» 1.

Вполне понятно, что Плеханов не мог пройти и мимо «Коммунистического манифеста», причем он не только проштудировал его сам, но и решил сделать достоянием руской революционной молодежи, демократической интеллигенции и передовых рабочих. Знакомство с этим сочинением составило, по собственному признанию Плеханова, целую эпоху в его жизни². Попытки перевода этого программного документа марксизма на русский язык предпринимались и раньше. Так, в 1869 г. в Женеве был издан перевод, долгие годы приписывавшийся Бакунину. Однако он страдал серьезными изъянами. Вот почему Плеханов решил сделать новый перевод «Манифеста» и издать его в качестве одного из выпусков «Русской социально-революционной библиотеки». Эта серия была задумана еще летом 1880 г. как совместное предприятие ряда русских эмигрантских групп — П.Л.Лаврова, «Народной воли» в лице находившихся тогда за границей Л.Н.Гартмана и Н.А.Морозова, «Черного передела» в лице Г.В.Плеханова, а также М.П.Драгоманова. В 1880 — 1881 гг. в «Русской социально-революционной библиотеке» вышли брошюра Лаврова «18 марта 1871 г.» о Парижской коммуне и П.Шеффле «Сущность социализма». Следующим на очереди был перевод «Манифеста Коммунистической партии».

В ходе работы Плеханов столкнулся с большими трудностями: мешало несовершенное знание немецкого языка, непривычна была и новая марксистская терминология. Тем не менее в общем и целом он справился со своей задачей, хотя и не избежал отдельных ошибок. Когда перевод был уже почти закончен, возникла идея обратиться к Марксу и Энгельсу с просьбой написать предисловие к русскому изданию «Манифеста». Посредником попросили быть Лаврова, который уже давно поддерживал тесные связи с Марксом. Характерная деталь: обращаясь к нему, Петр Лаврович сообщил, что в роли переводчика выступает молодой человек по фамилии Плеханов — один из самых ревностных учеников Маркса³. И надо сказать, что в этой аттестации не было преувеличения: ведь в начале 1882 г. Плеханов сам писал Лаврову, что сто раз подумает,

 $^{^{1}}$ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 317-318.

 $^{^2}$ Литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1940. Сб. 8. Ч. І. С. 17.

 $^{^1}$ См.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983. С. 29-30.

² Плеханов Г.В. Соч. Т. XXIV. С. 178.

³ См.: К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 458. Подробнее о взаимоотношениях Плеханов с Лавровым см.: Итенберг Б.С. Группа «Освобождение труда» и П.Л.Лавров//Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 113—114.

прежде чем не согласится со взглядами Маркса¹. Интересное высказывание Плеханова, относящееся примерно к тому же времени, запомнилось Льву Дейчу: «Je suis plus marxist que Marx lui-même» («Я больший марксист, чем сам Маркс». — фр.)².

Сейчас все это может показаться свидетельством крайней несамостоятельности и узкого догматизма Плеханова и всех первых русских марксистов. Но не будем забывать, что 25-летний Плеханов проходил тогда лишь первые ступени своего марксистского ученичества. Да и не он один восхищался тогда глубиной и блеском марксовой мысли. Впрочем, были примеры и другого рода: народник Н.С.Русанов, тоже находившийся на рубеже 70 – 80-х годов на идейном распутье и очень увлекавшийся одно время марксизмом. довольно быстро пришел к критике Маркса за недооценку им нравственных принципов и социокультурных факторов и вступил в 1883 г. в «Народную волю», навсегда сохранив скептическое и в целом негативное отношение к марксистской доктрине3. С Плехановым же все было по-другому, причем решающую роль в преклонении перед Марксом и его достаточно жесткими революционными принципами, видимо, сыграл собственный душевный настрой Георгия Валентиновича, склад его характера, присущее ему смолоду «якобинство».

Легко представить себе, каким ударом для Плеханова оказался случай, который произошел с ним 1 апреля 1882 г. В этот день друзья сказали ему, что Маркс приехал в Кларан и можно будет. наконец, поговорить с ним по всем интересующим русских революционеров вопросам. Плеханов страшно разволновался и даже приоделся, насколько это возможно было при его скудном гардеробе. Но, увы, известие о приезде Маркса оказалось лишь дружеским первоапрельским розыгрышем. В мае 1882 г. в Женеве появился долгожданный русский перевод «Коммунистического манифеста» с предисловиями авторов и переводчика. Маркс и Энгельс подчеркивали, что Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе. Как уже говорилось выше, высказались они здесь и по вопросу о судьбах русской общины. А предисловие Плеханова — «Несколько слов от переводчика» — открывалось словами: «Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такою громкою и почетною известностью, что говорить о научных достоинствах «Манифеста Коммунистической партии» значит повторять всем известную истину. Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» начал новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной

критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма». Далее Плеханов подчеркивал, что «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух крайностей — отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения высших, социалистических интересов их партии — с другой. «От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения...», — писал он¹. При этом основы такой организации, по мнению Плеханова, могут быть заложены уже в настоящее время, поскольку рабочие русских промышленных центров начинают мыслить и стремиться к своему освобождению.

Вскоре тираж русского перевода «Манифеста» был нелегально отправлен в Россию. Два дарственных экземпляра этого издания Лавров послал в Лондон Марксу и Энгельсу. Последний — правда, с некоторым опозданием — ответил в январе 1884 г. Лаврову, что «Манифест» и перевод работы Маркса «Наемный труд и капитал» (он вышел в свет в 1883 г.) доставили ему большое удовольствие².

Для самого Плеханова работа над переводом «Коммунистического манифеста» стала этапной. Недаром он писал впоследствии: «Я стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г.»³

Лично встретиться с Марксом Плеханову так и не пришлось. 14 марта 1883 г. великого немецкого мыслителя не стало. Плеханов и его друзья откликнулись на известие об этом в письме, направленном съезду немецкой социал-демократии, который происходил в Копенгагене в конце марта — начале апреля 1883 г. «Мы и наши братья, — говорилось в послании, — пользуемся этим случаем, чтобы выразить нашу глубокую скорбь по поводу смерти Карла Маркса, великого учителя и наставника всемирного пролетариата. Мы целиком присоединяемся к словам глубокого уважения и почтения, которые товарищ наш Петр Лаврович Лавров сказал у могилы великого усопшего. И мы твердо убеждены, что преждевременная смерть духовного вождя международного пролетариата для русского социально-революционного движения представляет такую же незаменимую потерю, как и для рабочего движения более передовых стран» 4.

Идейная эволюция Плеханова и его товарищей к марксизму шла очень быстрыми темпами. Уже в конце 1881 г. Георгий Валентинович писал Лаврову в Париж, что вопрос о судьбах капитализма в России, по его мнению, — дело решенное и все другие пути,

¹ См.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 19-21. С. 293.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 190.

³ См.: Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Н.С.Русанов — искатель истины в социализме / Отечественная история. 1995. № 6.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. І. С. 15.

² К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. С. 492.

³ Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 22.

⁴ Плеханов Г.В. Соч. Т. II. С. 9.

мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, для нее закрыты¹. А это означало, что никаких надежд на спасительную роль общины и на возможность развития России по некапиталистическому пути у Плеханова больше не было.

Но время для полного разрыва чернопередельцев с народовольцами еще не пришло. Пути двух основных фракций народнического движения то и дело пересекались и в самой России, и в эмиграции. Общая конечная цель, наличие многочисленных точек соприкосновения в практической деятельности, наконец, сознание пагубности дробления революционных сил — все это создавало почву для новых и новых попыток взаимного сближения. Когда осенью 1881 г. Плеханов вернулся в Швейцарию из Парижа, он писал Лаврову, что настроение его женевских товарищей можно было бы сформулировать так: соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуемся, сколько возможно².

По более позднему признанию самого Плеханова, в 1881 г. чернопередельцы постоянно поддерживали с народовольцами дружеские отношения, помогая им всем, чем только могли³. В том же году Плеханов направил в редакцию «Народной воли» рецензию на брошюру Льва Тихомирова «Тирания в России», изданную на французском языке вскоре после убийства Александра II. И хотя народовольцы не опубликовали заметку Плеханова, но поблагодарили его за сочувственное отношение к участникам цареубийства и пригласили к дальнейшему сотрудничеству4. В мае 1882 г. Плеханов и его женевские товарищи взяли под защиту народовольцев, на которых довольно грубо напал в журнале «Вольное слово» Драгоманов, заявивший, что в нравственном отношении ситуация в самой «Народной воле» и вокруг нее далека от идеала (предательство Л.Гольденберга, интриги, взаимная нетерпимость, грызня, угодничество перед руководителями и т.д.). Протестуя против подобных приемов полемики, Плеханов и его друзья просили Драгоманова назвать конкретные факты, подкрепляющие его обвинения. Это письмо было с сокращениями опубликовано в «Календаре "Наролной Воли"»5.

В свою очередь Исполнительный комитет «Народной воли» обратился в феврале 1882 г. к ряду народников-эмигрантов, в том числе к Плеханову, Засулич, Дейчу и Аксельроду, с письмом, где подчеркивалось, что народовольцы отнюдь не игнорируют революционную работу в массах, в частности среди рабочих. Это был

примирительный жест, не считаться с которым чернопередельцы не могли. В своем ответе «Народной воле», датированном мартом 1882 г., они писали, что еще три года назад расходились с народовольцами в вопросе о политической деятельности. «Вы раньше нас осознали необходимость добиваться политической свободы. Мы тогда отрицали эту необходимость. Но два года, проведенные за границей, убедили нас в том, что всякая партия, отказывающаяся от политической деятельности, тем самым подписывает свой смертный приговор. Да на самом деле этого никогда и не бывает, т.к. только путем политической агитации создавались прочные партии, только путем политических переворотов достигали они осуществления своих стремлений» 1.

Этот ответ был подготовлен Дейчем при участии Плеханова и Засулич. Условием объединения «Черного передела» с «Народной волей» они считали обоюдное признание следующих положений: революционную работу следует вести прежде всего среди городских рабочих, необходим союз с либералами, предстоящий переворот будет носить демократический характер. При этом Плеханов и его товарищи признавали, что на этапе борьбы с самодержавием цели обеих организаций совпадают, а народовольческие приемы борьбы объективно полезны. Вместе с тем лидеры «Черного передела» считали необходимым отмежеваться от критического отношения народовольцев к теории Маркса и западноевропейскому рабочему движению².

Таким образом, возникла совершенно парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: в идейном плане Плеханов семимильными шагами шел к марксизму и в то же время не оставлял надежд на соглашение и даже объединение с народовольцами, придерживавшимися, как известно, совершенно других философских и тактических взглядов, чем марксисты. Объяснялось это рядом причин: тяжелым положением «Черного передела» в России, надеждами на возможность обратить народовольцев в марксистскую веру, наконец, влиянием Засулич и Дейча, которые были сторонниками соглашения с «Народной волей». Приезд за границу в 1882 г. Льва Тихомирова, его разочарование в старой народовольческой программе и заявления о том, что народовольцы ничего не имеют против Маркса (хотя Дюринг им и ближе³), также подогревали надежды на возможность союза со старыми товарищами по борьбе. Характерно, что Тихомиров, с удовлетворением констатируя сбли-

¹ Литературное наследство. Т. 19-21. С. 293.

² См.: Дейч Л.Г. Г.В.Плеханов. Вып. І. С. 77.

³ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ См.: Ваганян В. Опыт библиографии Г.В.Плеханова. С. 13-15.

 $^{^{1}}$ Революционное народничество семидесятых годов XIX в. М.-Л., 1965. Т. 2. С. 335.

² См.: там же. С. 334-339.

³ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 28.

жение взглядов Плеханова и народовольцев на политику, однажды даже сказал ему: «Да вы настоящий народоволец!» 1

Еще в 1881 г. в кругах «Народной воли» возникла мысль приступить к изданию за границей журнала «Вестник «Народной воли»». Редакторами его предполагалось назначить трех эмигрантов — Лаврова, Кравчинского и Плеханова. Последний, хотя и очень неохотно, дал на это свое принципиальное согласие, но начало работы все затягивалось и затягивалось. После приезда за границу Тихомирова было решено, что он заменит в будущем журнале Кравчинского. Однако и это не помогло.

Летом 1882 г. семья Плехановых перебралась в Берн. Здесь Розалия Марковна могла продолжить свои занятия на медицинском факультете Бернского университета, ибо без официального диплома ее врачебная деятельность в Швейцарии была невозможна. Однако вскоре выяснилось, что ей придется заново слушать лекции и сдавать экзамены даже по тем предметам, по которым она уже экзаменовалась в свое время в Петербурге. Поэтому на семейном совете было решено двинуться в Женеву, где для русских студентов существовали более льготные условия получения диплома. Отъезд в Женеву пришлось, однако, задержать из-за болезни, а затем и смерти верного друга семьи Плехановых, Теофиллии Полляк. Вскоре после похорон Георгий Валентинович и Розалия Марковна, а вслед за ними Засулич и Дейч вновь приехали в Женеву.

Между тем становилось ясно, что поселившийся в той же Женеве Лев Тихомиров на позиции марксизма никогда не перейдет. Когда Плеханов порекомендовал ему познакомиться с эмигрировавшими в Швейцарию руководителями германской социал-демократии, тот сказал, что в этой партии много «никуда не годного народа» и поэтому с ними можно было бы толковать только в том случае, если бы они распустили свою партию и создали вместо нее боевую организацию всего из нескольких сот решительных, на все готовых людей. «Мы долго не смогли прийти в себя от изумления. Это был редкий перл, своей величиной и своим ярким блеском отнюдь не уступавший тому, которым мы любовались в разговоре с г. Тихомировым о еврейских погромах», — вспоминал поэже Плеханов².

Тем не менее беспринципность Тихомирова уже тогда доходила до того, что он соглашался со временем объявить себя социал-демократом, а «Вестник «Народной воли»» — социал-демократическим органом. В итоге соглашение об издании «Вестника» было, наконец, заключено, и первый его номер увидел свет в конце лета

1883 г. В нем была опубликована заметка Плеханова о книге профессора Н.Я. Аристова «Афанасий Прокофьевич Щапов», проникнутая сознанием неизбежности перехода русских революционеров к социал-демократизму, причем родоначальником русской социал-демократии Плеханов объявил Н.Г. Чернышевского. В том же номере «Вестника» предполагалось первоначально поместить и теоретическую статью Плеханова «Социализм и политическая борьба» с критикой в адрес «Народной воли». Но этого Тихомиров пережить уже не мог. Он заявил, что «молодые товарищи в России» недовольны его чрезмерной уступчивостью чернопередельцам и что плехановцы могут вступить в «Народную волю» не целой группой, как предполагалось ранее, а лишь в строго индивидуальном порядке.

Поэтому уже летом 1883 г. Плеханов и его товарищи решили создать самостоятельную марксистскую группу. З июля Дейч сообщал Аксельроду, который с 1881 г. обосновался в Цюрихе, что Плеханов, Засулич и он намерены разорвать все отношения с народовольцами и самостоятельно издать две брошюры: одну программного характера и вторую — с переводом работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» 1. 25 сентября 1883 г. в Женеве было объявлено о рождении новой марксистской организации — группы «Освобождение труда».

Главной причиной полного организационного разрыва Плеханова и его трварищей-чернопередельцев с народовольцами стали идейные разногласия. Однако были и другие факторы, ускорившие создание группы «Освобождение труда»: разгром Исполкома «Народной воли» в России, неожиданно испортившиеся личные отношения между Львом Дейчем и народовольцами, стремление каждой из сторон к преобладающему влиянию в будущей совместной организации, интриги провокатора Дегаева, выполнявшего задание русской полиции, которая хотела во что бы то ни стало помешать объединению различных революционных групп и т.д.².

Так или иначе, осенью 1883 г. процесс перехода Плеханова на марксистские позиции и в идеологическом, и в организационном плане был завершен. Народничество и особенно народовольчество казались ему пройденным этапом, тогда как марксизм представлялся подлинно научной, универсальной и вполне реалистичной революционной доктриной, ибо в ее пользу говорили и общее направление развития европейской социологической мысли, и глубокая противоречивость буржуазного прогресса, и успехи молодого пролетарского движения, которое докатилось в 70-х годах и до России. В марксизме Плеханова привлекали материализм, диалектика, революционный радикализм, ориентация на рабочий класс, передовые

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 30.

² Там же. С. 30. Тихомиров считал, что начавшиеся в России после убийства Александра II еврейские погромы могут способствовать политическому пробуждению народа.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 169.

² См.: Севалкин Д.М. К вопросу о причинах возникновения группы «Освобождение труда» / / III Плехановские чтения. С. 72—79.

представители которого за границей и на родине вызывали его искреннее восхищение. Импонировал ему и глубоко интернационалистский характер марксизма, позволявший включить Россию в общеевропейский революционный процесс и окончательно преодолеть ее социокультурную обособленность от Запада.

Когда мы пытаемся объяснить сегодня феномен популярности марксизма в конце XIX – начале XX в., не нужно забывать и о том. что в то время он еще нигде не был испробован на практике, а его внутренние противоречия были хорошо прикрыты блестящими логическими построениями Маркса, которые буквально ослепили Плеханова. Что касается русских революционеров, выросших в условиях самодержавной системы и достаточно хладнокровно относившихся к терроризму «снизу» в качестве ответа на правительственный произвол «сверху», то их не могли испугать ни лозунг диктатуры пролетариата, ни авторитарные и централистские тенденции, заложенные в марксизме, а после неудачи «хождения в народ» — и довольно пренебрежительный взгляд марксистов на крестьянство как исторически обреченный, уходящий в прошлое класс. Не было в то время в России и материала для того, чтобы обнаружить явную идеализацию Марксом и Энгельсом рабочего класса и преувеличение его возможностей в конструктивной работе по созиданию социалистического строя, которая должна была начаться после победы пролетарской революции.

Разочарование Плеханова в народничестве было столь велико, что он отказывался видеть его огромный демократический потенциал, глубокую внутреннюю связь с русской ментальностью и общинными традициями крестьянства, сильно развитое в нем нравственное начало (напомним, что к террору народовольцы относились как к вынужденной мере и тяготились его необходимостью). Видимо, недооценивал Плеханов и те трудности, с которыми было связано распространение марксистских идей и тем более их практическая реализация в такой своеобразной, многоукладной крестьянской стране, как Россия, где капитализм, несмотря на все его успехи, находился еще на достаточно низкой стадии развития. Ведь марксизм трактовал уже о крахе капитализма и переходе к социализму, тогда как в России речь шла пока еще лишь об устранении остатков средневековья и переходе к свободному развитию буржуазных отношений.

Подстерегали русских марксистов и другие опасности: потеря независимости и самостоятельности социалистического мышления, разрыв с прежними традициями освободительной борьбы, глубокие, мучительные противоречия между теорией и практикой революционного движения. Но все это в полной мере обнаружилось гораздо позже. Пока же русские марксисты во главе с Плехановым делали лишь первые и, как тогда казалось, многообещающие шаги на пути адаптации новой революционной доктрины к условиям России.

В состав группы «Освобождение труда» вошли Г.В.Плеханов, П.Б.Аксельрод, В.И.Засулич, Л.Г.Дейч и В.Н.Игнатов. Каждый из них был по-своему незауряден, не похож на товарищей, но было у них и нечто общее: все они рано пришли в революционное подполье, были беззаветно преданы социалистической идее и в начале 80-х годов фанатично поверили в Маркса и марксизм, который, как им казалось, давал ключ к решению всех социальных и политических проблем. Бесспорным лидером этого маленького, но сплоченного коллектива был Плеханов, стоявший во всех отношениях на голову выше своих друзей и пользовавшийся у них непререкаемым авторитетом.

Выше мы уже рассказывали о Вере Засулич и Павле Аксельроле. 28-летний Лев Лейч был родом с Украины. Он происходил из зажиточной еврейской семьи, но отец его разорился, и Лев рано начал зарабатывать себе на жизнь репетиторством. Бросив в последнем классе гимназию и расставшись с семьей, юноша увлекся идеями Бакунина и Лаврова, принял в 1875 г. участие в «хождении в народ», затем поступил вольноопределяющимся на военную службу и связался с киевским кружком «южных бунтарей» (Яков Стефанович, Михаил Фроленко, Вера Засулич и др.). В армии Дейч из-за столкновения с офицером попал под суд, сбежал из заключения и в 1876 г. перешел на нелегальное положение. Типичный леворадикал, он горел желанием действовать, рассчитывал поднять крестьян на восстание («Чигиринский заговор», 1877 г.), но был арестован, совершил смелый побег из киевской тюрьмы и после кратковременного пребывания в Петербурге уехал летом 1878 г. в Швейцарию. Через год Лейч вернулся в Россию и примкнул к «Черному переделу», а в начале 1880 г. оказался вместе с Плехановым и своей гражданской женой Верой Засулич в эмиграции.

Лев Дейч был человеком дела, отличался смелостью и решительностью, был способен на экстремистские, даже жестокие поступки (в народнический период своей деятельности он облил заподозренного в провокаторстве члена революционного кружка серной кислотой). Характер у него был сложный, неуживчивый. В группе «Освобождение труда» Дейч специализировался на организации типографии, занимался транспортировкой первых марксистских брошюр в Россию, поддерживал контакты с революционными кружками на родине. В марте 1884 г. он был арестован во Фрайбурге (Германия) с партией нелегальной литературы, выдан царским властям и отправлен на каторгу в Сибирь. Только весной 1900 г. ему удалось бежать оттуда за границу и воссоединиться таким образом со старыми друзьями.

Еще один член группы «Освобождение труда» Василий Игнатов прожил всего 30 лет. Он был сыном богатого купца из города Белева, в 1874 г. поступил в Петербургский университет, но сразу же попал в студенческую «историю». Исключенный из университета Игнатов работал одно время в деревне, затем поступил в столич-

ную Медико-хирургическую академию, участвовал в знаменитой демонстрации у Казанского собора в декабре 1876 г., несколько раз подвергался арестам. В 1879 г. он вступил в «Черный передел», но вскоре заболел туберкулезом и вынужден был уехать на лечение за границу. Вся семья Игнатовых (сам Василий, его брат Илья и сестры) оказывала материальную помощь группе «Освобождение труда». Это помогло ей встать на ноги и наладить издательскую деятельность. В 1885 г. В.Н.Игнатов безвременно скончался.

Активное участие в работе группы «Освобождение труда» принимали также Р.М.Плеханова и обслуживавшие типографию наборщики И.В.Бохановский, С.Л.Гринфест и Е.Л.Левков, хотя фор-

мально они и не входили в ее состав.

Плеханову очень хотелось, чтобы члены группы называли себя социал-демократами, но в России к европейской социал-демократии относились тогда с явным предубеждением, считая ее реформистским течением. Поэтому было решено назвать организацию русских

марксистов-эмигрантов группой «Освобождение труда».

Она ставила перед собой две основные задачи: во-первых, распространение идей марксизма в России путем перевода на русский язык важнейших произведений Маркса и Энгельса и их последователей, и, во-вторых, критику народнических взглядов и освещение важнейших вопросов русской общественно-политической жизни с точки зрения марксистской социологии и интересов трудящегося населения страны¹. Об этом прямо говорилось в объявлении «Об издании Библиотеки современного социализма», написанном Плехановым и изданном в конце сентября 1883 г. в виде отдельной брошюрки. Члены группы «Освобождение труда» подчеркивали. что будут бороться за свержение самодержавия, готовить рабочий класс России к сознательному участию в политической жизни, заниматься его организацией и пропагандой социализма в пролетарской среде. В перспективе в России предполагалось создать марксистскую рабочую социалистическую партию как инструмент революционного переустройства общества.

Группа обращалась ко всем русским революционерам на родине и в эмиграции, сочувствовавшим изложенным в заявлении взглядам, с предложением наладить сотрудничество и совместно выработать программу будущей деятельности. При этом в специальном примечании, написанном Дейчем, подчеркивалось, что «Черный передел» и «Народная воля» имеют так много общего, что могут действовать в громадном большинстве случаев рядом, дополняя и поддерживая друг друга. Таким образом, даже осенью 1883 г. разрыв с народовольцами по-прежнему еще не считался делом окончательно решенным.

Среди женевских эмигрантов оформление марксистской группы было встречено, как вспоминал Дейч, очень скептически. «Переводными брошюрками и компиляциями немецких произведений «освободители труда» задумали осчастливить Россию, все в ней на новый, социал-демократический путь перевести», — смеялся один эмигрант-народоволец. «Вы не революционеры, а студенты социологии», — с издевкой говорил другой. Сказывалось и отрицательное отношение к плехановской группе П.Л.Лаврова, который был очень популярен в эмигрантских кругах¹.

Тот же Дейч шутил, что положение группы — хуже губернаторского: связей с Россией почти не было, как не было и собственного печатного органа, денег, рекламы. Выручил В.Н.Игнатов, благодаря финансовой помощи которого за 2,5 тыс. франков была приобретена у народовольца Трусова типография в Женеве. Это позволило приступить к реализации первой задачи новой организации - популяризации и распространению на родине марксистских идей. Всего с 1883 по 1900 г. группа «Освобождение труда» издала (полностью или в отрывках) 30 важнейших произведений Маркса и Энгельса. На плечи самого Плеханова легла при этом работа по переводу речи Маркса о свободе торговли, его «Тезисов о Фейербахе», работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также редактирование ряда переводов, выполненных Верой Засулич. Совместно с ней Плеханов перевел также работу Энгельса «О социальном вопросе в России» (ответ П.Н.Ткачеву). Хорошо отредактированные, снабженные предисловиями и комментариями, эти переводы переправлялись в Россию и нередко переиздавались действовавшими там социал-демократическими кружками.

Важное место в деятельности группы «Освобождение труда» занимала также с самого начала публикация оригинальных сочинений первых русских марксистов. Уже в октябре 1883 г. в Женеве увидела свет брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». В основу ее был положен текст статьи, предназначавшейся раньше для «Вестника «Народной воли»». Но теперь он был значительно дополнен и отредактирован автором в сторону смягчения критики народовольцев. Это был мудрый тактический шаг, объяснявшийся прежде всего значительной популярностью «Народной воли» среди революционной молодежи в России. Нельзя было забывать и о том, что именно «Народная воля» открыла эпоху сознательной политической борьбы с русским правительством. Кроме того, Плеханов считал безнравственным бросить камень в людей, которые шли на смерть или каждый день рисковали жизнью ради освобождения народа от царского деспотизма.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. II. С. 22-23.

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 11.

Вместе с тем в первой же своей марксистской работе Плеханов совершенно недвусмысленно осудил тактику индивидуального террора и четко противопоставил утопическим намерениям народовольцев совершить прыжок из царства самодержавного деспотизма прямо в социалистическое царство свободы и равенства принципиально иное решение вопроса о соотношении борьбы за демократизацию общества и борьбы за социализм, рассматривая их вслед за Марксом и Энгельсом как два последовательных этапа революционных преобразований. Это важное положение марксизма Плеханов считал верным и применительно к России.

Эпиграфом к своей брошюре Плеханов взял известные слова из «Манифеста Коммунистической партии»: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Он убедительно показал, что борьба за социализм невозможна без политической борьбы, начинающейся с предъявления правительству самых элементарных демократических требований: свободы слова, собраний, печати, союзов, неприкосновенности человеческой личности. При этом, в отличие от народников и народовольцев, Плеханов сразу же разграничил демократический и социалистический этапы революции, подчеркнув, что единственной «нефантастической» целью русских революционеров на первом этапе может быть только борьба за демократическую конституцию страны и выработка элементов для создания рабочей социалистической партии, поскольку именно рабочие обладают по сравнению с крестьянством «большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором»1.

Выступая против характерного для народников «социалистического нетерпения», Плеханов был, однако, в тот момент убежден, что между свержением самодержавия и победой пролетариата пройдет в России сравнительно немного времени. Русская буржуазия, по его мнению, запоздала в своем социально-политическом развитии еще больше, чем немецкая, и поэтому ее господство не может быть продолжительным. Плеханов также полагал, что многое в сближении демократического и социалистического этапов революции в России будет зависеть и от самих революционеров2. При этом механизм ускоренного продвижения России по пути социального прогресса выглядел у Плеханова - как, впрочем, и у его нового учителя Маркса во времена «Коммунистического манифеста» довольно упрощенно: быстрая пролетаризация крестьянства и городского мещанства, превращение наемных рабочих в самый многочисленный слой общества, его прогрессирующее обнищание, соединение с помощью марксистской партии стихийного пролетарского движения с социалистической идеологией, буржуазно-демократическая, а затем и социалистическая революция, установление диктатуры пролетариата и построение социализма и коммунизма.

В дальнейшем Плеханов пришел к выводу, что указанный процесс будет в России неизмеримо более длительным, трудным и сложным, чем это представлялось ему в начале 80-х годов, а в 1901 г. уже прямо заявил, что падение абсолютизма и социальное освобождение рабочего класса неизбежно будут отделены друг от

друга в России значительным промежутком времени1.

Мерилом отхода Плеханова от прежних бакунистских взглядов на государство мог бы служить его тезис о том, что достигший политического господства пролетариат сохранит его за собой и будет в относительной безопасности от ударов контрреволюционных сил только тогда, когда установит свою диктатуру, которая помимо выполнения чисто административных и военно-полицейских функций устранит и анархию производства2. Одновременно Плеханов подчеркивал, что диктатура пролетариата — это отнюдь не власть узкой группы революционеров в ее бланкистском или народовольческом вариантах. Конечно, до тех пор, пока пролетариат будет оставаться рыхлым и аморфным классом полукрестьян-полурабочих или люмпен-пролетариатом, требующим лишь хлеба и зрелищ, он неизбежно будет подменен на политической арене выступающей от его имени партией или кружком социалистов, которые превратят «диктатуру пролетариата» в свою собственную диктатуру со всеми вытекающими отсюда последствиями (нарушения законов, коррупция, кумовство и т.п.). Но, по мысли Плеханова, диктатура пролетариата будет возможна только тогда, когда рабочие пройдут школу крупного машинного производства и классовой борьбы, станут сознательными и организованными, приобретут необходимый социальный опыт, ибо никакая конспиративная сноровка и другие ценные качества профессиональных революционеров, руководящих рабочей массой, не заменят сознательного участия самих рабочих в организации производства и управления обществом.

«Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат, – писал Плеханов, – возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем чтобы, покончивши с своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не ан-архии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но пан-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумыва-

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. в пяти томах. М., 1956. Т. 1. C. 111.

² Там же. С. 110.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XII. С. 163.

² Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 101.

нии социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен»¹. Прекрасные и, увы, надолго забытые затем слова, о которых не мешало бы помнить и в 1917 г., и позже!

Прогнозируя вероятные последствия преждевременного захвата власти революционерами-социалистами в условиях России, Плеханов приходил к следующему выводу: предоставленное естественному ходу вещей, экономическое равенство всех трудящихся, к которому стремятся революционеры, в условиях сохранения товарного производства неизбежно сменится новым социальным расслоением. Если же революционеры попытаются организовать национальное производство методом диктата «сверху», то окажутся перед весьма неутешительной для них перспективой: поскольку социалистическая организация производства в России в данный момент невозможна (этому помешают его низкий технический и технологический уровень, низкая культура труда, частнособственнические привычки крестьянства и мещанства, непрактичность самих революционеров - выходцев из интеллигентской среды), то социалистам придется искать спасение в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», при котором производством будет заведовать «социалистическая каста». Но при таком «казарменном коммунизме» народ «или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства»2.

Правда, Плеханов ошибся в одном: он считал, что новый вариант «перувианского коммунизма» (имеется в виду общественный строй индейского племени инков, обитавшего в XI—XIII вв. на территории современного Перу) теперь уже невозможен. При этом он заметил, что русский народ «слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждой на счастливый исход таких опытов над ним»³. Как теперь хорошо известно, Сталин доказал, что подобные эксперименты даже в XX в. вполне возможны. И не только в России.

Плеханов коснулся в работе «Социализм и политическая борьба» и такого важного вопроса, как взаимоотношения между пролетариатом и двумя его возможными союзниками по борьбе с царизмом — либеральной буржуазией и крестьянством. Он считал недальновидным преждевременно пугать либералов «красным призраком» социализма, рассчитывая на возможность присоединения многих представителей русского либерализма к конституционной программе марксистов. Допускал Плеханов и другую возможность:

возникновение достаточно широкого самостоятельного либеральнодемократического движения. Тогда, заключал он, пробил бы час падения абсолютизма в России, причем социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную ей роль¹.

Плеханов подчеркнул также, что отнюдь не считает, будто социалистическое движение не сможет встретить поддержки в деревне, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария. В общем и целом русское крестьянство, по мнению Плеханова, отнеслось бы с большой симпатией к национализации земли. Но следует учитывать, продолжал он, что крестьянство, живущее в более отсталой социальной среде, чем рабочие, менее способно к сознательной политической инициативе и менее восприимчиво к пропаганде социализма, которую ведет революционная интеллигенция. Вот почему на первых порах революционерам следовало бы сосредоточить свое главное внимание на промышленных центрах и пролетариате. Затем, уже после завоевания политической свободы и организации рабочей партии, последняя должна была, по мысли Плеханова, начать систематическую пропаганду социализма в крестьянской среде, хотя отдельные случаи такой пропаганды были бы возможны уже и теперь. Едва ли нужно специально оговаривать, писал он, что если бы началось сильное и самостоятельное крестьянское движение, социалисты должны были бы оперативно изменить распределение своих сил, предназначенных для работы в народе2.

В противовес народникам, которые всячески подчеркивали особую роль разночинной интеллигенции в революционном процессе, Плеханов говорит о ней в своих первых марксистских работах очень скупо. Тем не менее в общей форме Плеханов достаточно четко поставил в работе «Социализм и политическая борьба» вопрос о том, что интеллигенция должна стать руководителем рабочего класса в освободительном движении, разъяснить, в чем состоят его политические и экономические интересы, подготовить пролетариат к самостоятельной роли в общественной жизни России. «Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты... Все это может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, наиболее передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков»3. Основы этой традиции заложили уже революционные народ-

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 101-102.

² Там же. С. 105.

³ Там же.

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 107.

² Там же. С. 110-111.

³ Там же. С. 108.

ники, и задача марксистов состоит в том, чтобы продолжить и

развить ее на новой идейно-теоретической основе.

Сильно прозвучал и итоговый вывод Плеханова о роли передовой революционной теории, в данном случае марксизма, в коренном преобразовании общественных отношений. «Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, - писал он, - революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная же по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»1.

Сравнительно небольшая брошюра Плеханова произвела среди русских революционеров-эмигрантов эффект разорвавшейся бомбы. По вполне понятным причинам народовольцы встретили ее в штыки. П.Л.Лавров в краткой рецензии, опубликованной в «Вестнике «Народной воли»» называл Плеханова, с которым у него прежде были самые хорошие личные отношения, «господином» и упрекал в том, что для членов группы «Освобождение труда» полемика с «Народной волей» якобы более своевременна, чем борьба с царским правительством и другими эксплуататорами русского народа. С резкой критикой Плеханова выступил и лидер народовольцев Лев Тихомиров. Критическая рецензия появилась также в женевском эмигрантском журнале конституционно-либерального направления «Общее дело». «Г.Плеханов горячо и красноречиво убеждает русских социалистов усвоить себе принципы «научного социализма», главного и даже единственного представителя которого он видит в лице Маркса, - писал рецензент А.А.Христофоров. - Нельзя не сочувствовать этим призывам к научности; но полное отождествление последней с доктриной Маркса должно вызывать сильное возражение в особенности ввиду тех заключений, которые были выводимы у нас из главных положений этой доктрины»2.

В России работа Плеханова вызвала бурные споры, но все сходились на том, что она производит сильное впечатление. Брошюра «Социализм и политическая борьба» распространялась нелегально в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Перми и некоторых других местах. Весной 1885 г. в нелегальном журнале петербургских студентов «Свободное слово» была помещена рецензия на брошюру Плеханова, причем ее автор целиком солидаризировался с выдвинутой им политической программой. Позже высокую оценку «Социализму и политической борьбе» дал Ленин, назвавший брошюру

1 Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 95.

Плеханова первым «символом веры» (profession de foi) русского социал-демократизма1.

Летом 1884 г. Плеханов с увлечением работал над новой книгой «Наши разногласия», явившейся прямым продолжением «Социализма и политической борьбы». Первая часть тиража, отпечатанная в женевской типографии группы «Освобождение труда», тоже помечена 1884 г., но официальной датой выхода книги в свет считается февраль 1885 г. «Наши разногласия» сразу же привлекли к себе внимание сначала русской революционной эмиграции, а затем и революционеров в самой России. Да и не только революционеров, поскольку содержание книги не могло не затронуть за живое любо-

го мыслящего россиянина. По сравнению с «Социализмом и политической борьбой» «Наши разногласия» написаны острее, свободнее, откровеннее. В них гораздо меньше той внутренней самоцензуры и «дипломатии», которые были продиктованы сложными взаимоотношениями первых русских марксистов с «Народной волей» и так бросаются в глаза при чтении первой брошюры Плеханова.

Новаторский характер «Наших разногласий» проявился прежде всего в том, что здесь впервые в русской социалистической литературе был дан марксистский анализ состояния экономики пореформенной России. Несмотря на большие трудности, связанные с поисками необходимых источников, Плеханов проштудировал не только такие работы, как «Судьбы капитализма в России» В.П.Воронцова, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» Н.Ф. Даниельсона, книги В.С. Пругавина, В.И. Орлова и других исследователей, но и немало различных статистических изданий и справочников. Поэтому он со знанием дела смог осветить множество совершенно конкретных социально-экономических сюжетов (динамика внутреннего рынка, численность промышленных рабочих, развитие кустарных промыслов, состояние крестьянской общины и процесс ее разложения, данные о мелком землевладении в России и т.д.). Так родились две очень важные главы книги — «Капитализм в России» и «Капитализм и общинное землевладение».

Вопрос о судьбах капитализма в России, с которым так носились народники, фактически уже решен самой жизнью, делал вывод Плеханов. «За капитализм, — писал он, — вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость этого движения»². Правда, главный поток русского капитализма пока еще неглубок, но в него со всех сторон вливается такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что его уже нельзя остановить.

² См.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. М., 1983. C. 103.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 311.

² Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 288.

Критический анализ и сопоставление различных источников позволили Плеханову установить, что к началу 80-х годов в России был уже по меньшей мере миллион промышленных рабочих, тогда как в начале XIX в. их было примерно в десять раз меньше. Стремительно росли и такие показатели, как число фабрик и заводов, стоимость произведенной на них продукции и выработка на одного рабочего. Кроме того, в систему капиталистического производства непрерывно втягивались все новые и новые массы кустарей, число которых равнялось в России нескольким миллионам человек.

Рост кредитных операций, бурное железнодорожное строительство, приток иностранных капиталов, расширение внутреннего рынка, вывоз русских товаров в Среднюю Азию и т.д. — вот та пестрая мозаика фактов русской экономической жизни, из которых складывалась картина капиталистической эволюции России. При этом Плеханов отдавал себе отчет в том, что пройдет еще более или менее длительный промежуток времени, пока отечественный капитализм станет полновластным хозяином страны. Однако процесс этот принял уже необратимый характер. «Довлеет дневи злоба его, — писал Плеханов, — и что бы ни сулила нам в будущем предстоящая Западу социалистическая революция, злобой нынешнего дня является у нас все-таки капиталистическое производство» 1.

Нетрудно заметить, что Плеханов в завуалированной форме полемизирует здесь с Марксом, допускавшим возможность некапиталистического развития России в случае соединения русской революции с революцией западноевропейского пролетариата. Для руководителя группы «Освобождение труда» вопрос об альтернативах социально-экономического развития России к этому времени по существу был уже снят, хотя он и допускал, — и об этом прямо сказано в «Наших разногласиях», — что торжество рабочего класса в Англии или во Франции неизбежно отразится на развитии всего цивилизованного мира и сократит время господства капитализма в остальных странах. Но все это дело будущего, заключал Плеханов².

Большое внимание уделил он и состоянию крестьянской общины, которую народники (и сам Плеханов, когда он был членом «Земли и воли» и «Черного передела») считали главным гарантом движения России по некапиталистическому пути. Приведя значительный фактический материал, свидетельствовавший о постепенном размывании старых общинных устоев, автор «Наших разногласий» делал вывод: «Серьезное сомнение невозможно. Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что наша община переживает тяжелый кризис, что самый этот кризис близится к концу и перво-

² Там же. С. 250.

бытный аграрный коммунизм готовится уступить место личному или подворному владению»¹.

Правда, Плеханов признавал, что общинные порядки и прежде всего уравнительные переделы земли (там, разумеется, где они еще не ушли в область преданий) работают против капитализма. Но в обстановке бурного развития товарного производства и роста имущественного неравенства крестьян «сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития... При переходе к этим последним ей предстоит не активная, а пассивная роль; она не в состоянии двинуть Россию на путь коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение»².

Сейчас, через сто с лишним лет после выхода в свет «Наших разногласий», когда мы знаем, что было с русской крестьянской общиной в 1905 г., во времена столыпинской аграрной реформы, в 1917—1918 гг. и позже, мы уже можем достаточно обоснованно судить о том, прав или не прав был Плеханов в своих оценках жизнеспособности общины. Жизнь показала, что масса русского крестьянства до последней возможности держалась за общину, рассматривая ее как институт социальной защиты мужика от помещика (а отчасти и кулака), стихийных бедствий и разорительных налогов, а также как важный инструмент своей консолидации в процессе борьбы за землю и волю.

Нельзя сбрасывать со счетов и приверженность крестьянства тем остаткам общинной демократии, которые сохранялись в деревне, а также притягательную силу идеи уравнительного трудового землепользования, которая дожила до 1917 г. и с которой вынужден был считаться Ленин, приступая к осуществлению аграрных преобразований после победы советской власти. Кроме того, не будем забывать, что вплоть до столыпинской реформы общинные порядки в деревне всячески поддерживало и консервировало и само царское правительство. Да и Стольшину, несмотря на весь его административный талант, удалось перевести на хутора и отруба лишь часть крестьян-общинников (по самым оптимистическим оценкам, она составляла не более трети крестьянских дворов).

Плеханов был, безусловно, прав, констатируя наличие тенденции к разложению общины, сдерживавшей инициативу и предприимчивость своих членов и стремившейся хотя бы частично уравнять богатых и бедных. Но он слишком спешил ставить на ней крест, ибо в реальной действительности оказалось возможным достаточно длительное сосуществование общины и капитализма. Это явно не укладывалось ни в традиционные народнические представления о полной несовместимости указанных социальных феноменов, ни в

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 251.

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 285.

² Там же. С. 347.

новые представления Плеханова-марксиста, который в борьбе с народничеством не раз «перегибал палку», отбрасывая не только народническую утопию, но и рациональное зерно народнической доктрины. Вполне возможно, что если бы история — эта до крайности ироническая старуха, как не раз называл ее Плеханов, отпустила бы российскому капитализму более длительный срок, он в конце концов сумел бы «перемолоть» и такой крепкий орешек. как община. Однако на практике фермерский путь развития сельского хозяйства, требовавший полной ликвидации помещичьего землевладения, значительных капиталовложений и настоящей революции в психологическом настрое основной массы крестьян, оказался в России лишь одной из возможных альтернатив развития деревни, но полностью победить в огромной многонациональной и многоукладной стране так и не смог. В итоге в вопросе о судьбах общины жизнь оказалась мудрее и народников, и марксистов, хотя реальная крестьянская община конца XIX-начала XX в. действительно была очень далека от той идеальной картины, которую рисовали себе участники «хождения в народ».

В то же время нельзя не воздать Плеханову должное за его честное и своевременное предостережение от соблазна искусственно форсировать ход исторического процесса и заняться насаждением социализма без наличия для этого объективных предпосылок, компенсировать отсутствие (или недостаток) которых призваны были, по мнению некоторых народников, сильная воля и железная рука

революционеров.

Народовольческая идея соединения демократического и социалистического переворота в один революционный акт была подвергнута Плехановым критике еще в работе «Социализм и политическая борьба». Теперь в «Наших разногласиях» он продолжил эту тему, нарисовав яркую картину возможных последствий преждевременной социалистической революции по рецепту Льва Тихомирова: установление «обновленного царского деспотизма на коммунистической подкладке», сохранение в обществе экономического неравенства, а возможно, и откат страны назад1. По мнению Плеханова, деревня и после экспроприации крупных землевладельцев продолжала бы жить по законам товарного производства, ежечасно рождающего экономическое неравенство. И здесь не помогла бы даже общественная обработка полей, если бы ее ввели по декрету нового правительства, ибо до настоящего коммунизма от нее немногим ближе, чем от совместной работы крестьян на барщине или от «общественных запашек», вводившихся при Николае I с помощью розог с целью создания семенных и продовольственных запасов на случай неурожая и стихийных бедствий2.

² Там же. С. 325-326.

Точно так же бессильна была бы помочь России и европейская пролетарская революция, на которую так уповал тот же Тихомиров, ибо крестьянские страны типа России скорее всего оказались бы маловосприимчивыми к ее влиянию. Разъясняя эту мысль, Плеханов писал: «Объективная логика внутренних отношений крестьянских государств вовсе не «навязывает» им «социалистической организации в сфере внутреннего обмена»; навязывание же ее «с чисто внешней стороны» не может увенчаться успехом. Европейская рабочая революция несомненно и очень сильно повлияет на все те страны, в которых хоть некоторые слои граждан будут походить на европейский рабочий класс по своему экономическому положению, по своему политическому воспитанию и по привычкам мысли. Наоборот, ее влияние будет сравнительно слабо там, где таких слоев не окажется. Февральская революция (1848 г. – С.Т.) отразилась почти во всех странах, схожих с Францией по своей «социальной конструкции». Но поднятая ею волна разбилась на пороге крестьянской Европы. Смотрите, как бы не повторилось того же и с будущей революцией пролетариата! «Смысл басни сей таков», что Запад — Западом, а Россия — Россией, или, другими словами, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай. Как бы ни было могущественно возможное влияние европейской революции, но мы должны позаботиться о создании тех условий, которые сделали бы это влияние действительным. Половинчатая же крестьянско-мещанская революция г. Тихомирова не только не создаст таких условий, но уничтожит даже и те из них, которые существуют уже в настоящее время».

Одно из двух, продолжал Плеханов: либо после народовольческого переворота Россия вернется к натуральному хозяйству, — и тогда у нас будет относительное равенство, но зато Запад не сможет влиять на нас вследствие слабости международного обмена; либо у нас будет развиваться товарное производство, — но тогда вся Россия превратится в страну мелкой буржуазии и социалистическому

Западу опять-таки трудно будет влиять на нас1.

В итоге Плеханов приходил к выводу, что Энгельс был глубоко прав, когда писал в своей знаменитой работе «Крестьянская война в Германии»: самым худшим из всего, что может случиться с вождем революционной партии (а значит, и со всей этой партией), является вынужденная необходимость взять власть тогда, когда революционное движение еще не созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих такое господство. И тот, кто раз попал в это ложное положение, пропал безвозвратно².

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 323, 329.

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 333 – 334.

 $^{^2}$ Там же. С. 345-346; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 422-423.

С учетом всех этих обстоятельств Плеханов предлагал двигаться к коммунистической цели строго поэтапно. Начинать же, по его мнению, следовало с создания марксистской рабочей партии, которая будет вести самостоятельную классовую линию и в предстоящей буржуазной революции, необходимой для свержения самодержавия, и в последующей борьбе за победу революции социалистической. Для автора «Наших разногласий» было совершенно очевидно. что главной движущей силой революционного процесса в России будет пролетариат. Что же касается буржуазии, то Плеханов предпочел воздержаться от каких-либо определенных прогнозов, отметив лишь, что с ней происходит интересная метаморфоза: у российского «третьего сословия» развились уже легкие, требующие чистого воздуха политического самоуправления, но не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она привыкла дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Больше того, Плеханов не упустил случая заметить, что буржуазия прекрасно умеет извлекать выгоду из самодержавного строя и «не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях...»1

Стоит подчеркнуть и еще один важный момент: акцентируя внимание на работе революционеров в пролетарской среде, Плеханов в то же время отмечал, что марксисты не жертвуют деревней в интересах города, не игнорируют крестьянство ради промышленных рабочих. В грядущей революции должны принять участие оба эти класса. Наша программа, писал Плеханов, ставит своей задачей «организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения»².

Еще до выхода «Наших разногласий» в свет Плеханов смог убедиться в том, что его новая книга не оставит читателей равнодушными и вызовет у них самые разнообразные, и притом весьма бурные, чувства. Дело в том, что работавший в типографии группы «Освобождение труда» наборщик Бохановский, разделявший взгляды народовольцев, прочитав начало рукописи, хотел даже отказаться набирать ее текст, но затем работа так захватила его, что он не только довел дело до конца, но и задумался над правильностью своих прежних убеждений. Главный оппонент Плеханова Лев Тихомиров, естественно, дал «Нашим разногласиям» отрицательную оценку на страницах «Вестника "Народной воли"», хотя и не ответил на плехановскую критику по существу. Явно не понравилась книга Плеханова и анонимному рецензенту из эмигрантского журнала «Общее дело», который обвинил автора «Наших разногласий» в слепом преклонении перед авторитетами Маркса и Энгельса, а также в приверженности к их «так называемому диалектическому методу», от которого русская интеллигенция якобы уже давно отказалась, отдав предпочтение «реалистической методологии» Спенсера, Бокля, Милля и Конта¹.

Интересен отзыв о «Наших разногласиях» киевского бакунистабунтаря В.К. Дебагория-Мокриевича, жившего в то время в Швейцарии и довольно критически настроенного по отношению к «Народной воле». В феврале 1885 г. он сообщил Вере Засулич, что прочитал «прекрасную брошюру Жоржа» и был поражен необычайной стройностью его мировоззрения и тем мастерством, с которым он разбил взгляды Тихомирова. Вместе с тем Дебагорий-Мокриевич не удержался от того, чтобы не посетовать на неприятно поразивший его тон «Наших разногласий» и слишком большое самомнение Плеханова («чуть не все кругом дураки, кроме Маркса и Энгельса да их последователей, немецких социал-демократов!»)2.

Крайне противоречивы были и отклики на новую книгу Плеханова в России, куда она была нелегально доставлена в 1885 г. Многие народники видели в ней «оскорбление святыни», а иногда дело доходило даже до сожжения этого острополемического произведения. Общую атмосферу, в которой происходило чтение «Наших разногласий» в одном из нелегальных казанских кружков, хорошо передал, основываясь на личных воспоминаниях, М.Горький в повести «Мои университеты». После окончания чтения комната наполнилась возгласами возмущения: «Ренегат!». Это плевок в кровь, пролитую героями» и т.п.3.

С другой стороны, члены одной из первых марксистских групп, возникших непосредственно в России, - «Партии русских социалдемократов» во главе с обучавшимся в петербургском университете студентом-болгарином Димитром Благоевым горячо одобрили книгу Плеханова. Вскоре у него установились контакты с благоевцами, и во втором номере издававшейся ими в Петербурге нелегальной социал-демократической газеты «Рабочий» (1885 г.) была опубликована его статья «Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам)». Дело в том, что благоевцы вели пропагандистскую работу во многих районах Петербурга, и Плеханов решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы в популярной, доступной развитым рабочим форме конкретизировать некоторые положения, изложенные в заключительной части «Наших разногласий». При этом он особо подчеркнул, что социал-демократы не должны ограничиваться революционной работой только в пролетарской среде. «Называя ее (социал-демократическую партию. -С.Т.) партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 224.

² Там же. С. 367.

¹ См.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. С. 106.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 2. С. 230, 235.

³ См.: Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1951. Т. 13. С. 565 – 566.

наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними»¹, — писал Плеханов. Такая постановка вопроса должна была предохранить будущую марксистскую партию от сектантства и нацелить ее на привлечение к себе демократических слоев общества. Характерно, что сам Плеханов позже видел в выделенных нами курсивом словах одну из первых формулировок идеи гегемонии пролетариата², хотя в подобном заявлении и была некоторая доля преувеличения.

Задачу российских социал-демократов Плеханов видел в борьбе за освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и за политическую свободу для всего народа. Предпосылкой для ее успешного решения в условиях самодержавной России должно было стать насильственное устранение царизма. Полное же освобождение трудящегося класса, продолжал Плеханов, «возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую»³.

Плеханов предполагал продолжить сотрудничество с газетой «Рабочий» и даже начал писать продолжение своего открытого письма к петербургским рабочим кружкам, но разгром типографии благоевской организации в начале 1886 г. помешал осуществлению его планов.

Известно также, что знакомство с книгой Плеханова «Наши разногласия» ускорило переход на марксистские позиции не только «Партии русских социал-демократов» во главе с Благоевым, но и еще одной петербургской группы революционеров, которой руководил П.В.Точисский — дворянин по происхождению, ставший рабочим и организовавший в конце 1885 г. «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Несколько позже, когда в Петербурге оформился «Рабочий союз» во главе с М.И.Брусневым (1889—1892), «Наши разногласия» и здесь сыграли большую роль в процессе утверждения его членов на позициях марксизма. Не будет преувеличением сказать, что первые же марксистские работы Плеханова заняли видное место в теоретическом арсенале зарождавшейся в 80—90-х годах прошлого века российской социал-демократии.

Один из членов петербургского студенческого кружка А.И.Ульянова — Орест Говорухин (он скрылся за границей еще до попытки организации покушения на Александра III) сообщал в мае 1887 г. П.Л.Лаврову, что хотя их группа и не сделала окончательного выбора между народовольческой и социал-демократической программами, но находила воззрения Плеханова «очень дельными». Правда, Говорухин, как и Дебагорий-Мокриевич, делал ого-

ворку, что «неприлично резкий и грубый способ полемики» Плеханова вызывал у читателей известную антипатию, но тем не менее признавал: Плеханов теперь «сильно распространяется, читается». Больше того, работы Плеханова, по признанию того же Говорухина, стимулировали обращение революционно настроенной молодежи к сочинениям Маркса и заставили серьезно взяться за изучение современного экономического положения России, судеб общины, причин ее разложения, уровня развития капитализма и т.п. 1

С особым волнением ждал Плеханов отзыва на «Наши разногласия» от Ф.Энгельса, который получил эту книгу в подарок от Засулич. В апреле 1885 г. Энгельс сообщил ей, что прочитал пока лишь первые 60 страниц, т.е. не дошел даже до конца введения (в дальнейшем Энгельс дочитал книгу Плеханова до конца), но в общем и целом познакомился с разногласиями между русскими народниками и марксистами. Я горжусь, писал Энгельс, что среди русской революционной молодежи существует теперь партия, которая «искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» 2.

Однако дальше (а эту часть письма не принято было цитировать в популярной литературе) Энгельс фактически солидаризировался с народовольческой тактикой, вызвав, вероятно, полное смятение в душах первых русских марксистов, которые могли ожидать от своего учителя чего угодно, но только не этого. Это состояние растерянности и недоумения усугублялось еще и тем, что на дворе стоял уже не 1880 или 1881, а 1885 год, когда любому достаточно информированному наблюдателю было ясно, что пик в деятельности «Народной воли» миновал и 1 марта 1881 г. не принесло России какихлибо существенных перемен.

Правда, Энгельс сразу же оговаривался, что он слишком «невежествен» в вопросах, касающихся современного положения России и тактики русских революционеров. Кроме того, ему почти неизвестна «внутренняя, интимная история русской революционной партии», без чего трудно судить о ее реальных возможностях³. Между тем, подчеркивал Энгельс, выработка выдержанной и последовательной революционной тактики требует приложения марксовой теории к конкретным экономическим и политическим условиям

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. II. С. 363.

² Там же. Т. XIX. С. 235.

³ Там же. Т. II. С. 372.

¹ См.: Итенберг Б.С. Группа «Освобождение труда» и П.Л.Лавров / Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 126.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 260.

³ Там же.

России. Вот почему он не считал себя вправе выступать в роли третейского судьи в спорах между народовольцами и группой «Освобождение труда». Тем не менее Энгельс был убежден, что Россия приближается к своему 1789 году, т.е. стоит на пороге буржуазной революции, которая, по его мнению, может вспыхнуть в любой день, особенно после убийства Александра II, осуществленного «Народной волей». Уникальность ситуации в России, продолжал Энгельс, состоит в том, что здесь налицо один из тех исключительных случаев (обратим на эти слова особое внимание), когда горстка революционеров одним ударом может заставить рухнуть целую систему, находящуюся, по удачному выражению Плеханова, в состоянии очень неустойчивого равновесия, и освободить одним актом, как бы незначителен сам по себе он ни был, такие разрушительные силы, которые потом станут неукротимыми.

По-моему, писал Энгельс, важно, чтобы был дан толчок революции, а под каким знаменем это будет сделано — не так уж и важно. Если народовольцы воображают, что могут захватить власть в России, пусть тешат себя этой мыслью. История все расставит по своим местам: ведь уже не раз революционеры буквально на следующий день после совершенной ими революции убеждались в том, что она совсем не похожа на то, о чем им мечталось. Так пусть же они сделают брешь, которая разрушит плотину, — а дальше поток событий скоро образумит их иллюзии. Ведь в России накопилось столько революционных элементов, экономическое положение основной массы народа становится столь невыносимым, а деспотизм так ненавистен всем благородным элементам нации, что за 1789 годом здесь не замедлит последовать 1793-й — год якобинской диктатуры.

Натуру менее стойкую, чем Плеханов, эти несколько листков почтовой бумаги, исписанных Энгельсом, могли бы повергнуть в полное смятение и растерянность. Но он хорощо понимал, что суждения «Фридриха Карловича» (как называли между собой Энгельса члены группы «Освобождение труда») базируются на далеко не полной и во многом односторонней информации, которую он получал от русских народовольцев, в частности от Гартмана, а также от Лаврова и Даниельсона. Жгучая ненависть Маркса и Энгельса к царизму как оплоту европейской реакции, их преувеличенные представления о возможностях и степени влияния «Народной воли» на русское общество, тот ореол жертвенности и мученичества, который окружал тогда на Западе русского революционератеррориста, наконец, здоровый прагматизм, заставлявший иногда основоположников марксизма жертвовать «чистой» теорией ради интересов европейской революции, - все это вместе взятое во многом объясняет позицию Маркса, а затем и Энгельса в первой половине 1880-х годов. В этой связи стоит напомнить и слова Эдуарда Бернштейна, который вспоминал: «Из моих устных бесед с Энгельсом я вынес такое впечатление, хотя и не могу подтвердить

его вполне определенными, подлинными выражениями, что Маркс и Энгельс сдерживали временами выражение своего скептицизма (по вопросу о «социалистической потенции русской крестьянской общины») просто из уважения к идеологии русских революционеров»¹.

В дальнейшем ситуация стала меняться. В начале 90-х годов Энгельс признал, что развитие капитализма и распад общины в России шагнули так далеко вперед, что возможность миновать капиталистическую стадию развития здесь практически исчезла. Не благоприятствовала социалистическим экспериментам в России и международная обстановка: на Западе повсюду пышным цветом расцветала капиталистическая промышленность, а у власти прочно стояла буржуазия. Сама же по себе община, по мнению Энгельса, была обречена на гибель, ибо «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из себя самого ничего иного, кроме собственного разложения»². При этом ближайший соратник Маркса был убежден в том, что без победы западноевропейского пролетариата социалистическое переустройство российского общества ни на основе общины, ни на основе капитализма будет невозможно³.

Значительно изменилось к лучшему и личное отношение Энгельса к Плеханову, с которым он познакомился в 1889 г. Я знаю лишь двух людей, которые вполне поняли учение Маркса, говорил Энгельс: Меринга и Плеханова. Известна и другая оценка Энгельсом Плеханова: не ниже Лафарга или даже Лассаля⁴. И хотя сегодня кое-кому такое сравнение по «патриотическим» соображениям может показаться недостаточно лестным для Плеханова, несомненно одно: в устах Энгельса, при жизни которого Плеханов еще не достиг пика своей славы, оно звучало как явная похвала русскому марксисту.

Но вернемся к событиям середины 80-х годов. Хотя обе первые большие марксистские работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» безусловно носили программный характер, возвещая о рождении нового, социал-демократического направления в русской революционной мысли, это не снимало с повестки дня вопроса о подготовке специального программного документа группы «Освобождение труда». За выполнение этой ответственной задачи и взялся Плеханов, составивший, по мнению

¹ Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 17.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 444.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 449-453.

⁴ См.: Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе. 3-е изд. М., 1988. Ч. 2. С. 82, 104.

специалистов, в 1883—1885 гг. целых три проекта программы группы «Освобождение труда» 1.

Над проектом Георгий Валентинович работал очень долго и упорно, обсуждал написанное с товарищами, учитывал их замечания. К сожалению, этот сложный, кропотливый процесс не нашел отражения в дошедших до нас документах: налицо лишь его конечный результат — «Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» (лето 1884 г.) и «Проект программы русских социал-демократов» (конец 1884 — начало 1885 г.). Что касается первоначального проекта программы группы «Освобождение труда» (август — октябрь 1883 г.), то он до настоящего времени не найден. Поскольку принципиальной разницы между проектами 1884 и 1885 гг. нет, но во втором Плеханов сам снял некоторые, признанные им ошибочными, положения и уточнил формулировки, в исторической литературе обычно анализируется проект 1885 г.

В течение длительного времени у нас преобладало несколько снисходительное отношение к этим плехановским документам, которые на фоне программы РСДРП, принятой на II съезде партии и созданной коллективными усилиями Плеханова, Ленина и других членов редакции «Искры», действительно могут показаться местами расплывчатыми, а в чем-то даже наивными. При этом всегда указывалось на наличие в проектах программы группы «Освобождение труда» лассальянского по своему происхождению пункта о необходимости добиваться государственной помощи производственным ассоциациям трудящихся в городе и деревне, а также тезиса о замене парламентаризма прямым народным законодательством. В вину Плеханову ставили, кроме того, условное признание возможности террористических методов борьбы, отсутствие термина «диктатура пролетариата» и расплывчатость требования «радикального пересмотра наших аграрных отношений», т.е. условий выкупа земли и передачи ее крестьянским обществам2.

Будем, однако, справедливы в наших оценках и подойдем к этим первым программным наброскам Плеханова с учетом той конкретной исторической ситуации, в которой они родились. Не надо забывать, что в середине 80-х годов российский капитализм находился еще, в сущности говоря, на начальной стадии своего свободного развития, осложненного наличием множества крепостнических пережитков. Процесс формирования основных классов буржуазного общества был далеко не завершен, либеральное движение оставалось еще крайне слабым, пролетарские стачки носили спорадический характер, а деревня в основном просто спала. Нельзя абстраги-

роваться и от уровня теоретической зрелости программных документов социал-демократических партий других европейских стран, в частности Готской программы германских социал-демократов (раскритикованной Марксом), на фоне которой проекты Плеханова выглядели в общем и целом совсем неплохо. При этом их достоинства явно перевешивали отдельные просчеты и пробелы. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и стремление Плеханова привлечь на сторону марксистов народническую интеллигенцию, для которой террористическая тактика народовольцев еще была окружена в то время романтическим ореолом.

Вряд ли была бы оправдана и излишняя придирчивость к Плеханову. Так, например, он действительно не упоминал в программе группы «Освобождение труда» о диктатуре пролетариата, хотя в «Социализме и политической борьбе» о ней говорилось вполне определенно. Однако Плеханов писал в программе о «захвате рабочим классом политической власти» и о «временном господстве рабочего класса», которое позволит парализовать сопротивление контр-

революционных сил, а в перспективе положит конец существованию классов и классовой борьбы¹. И, право же, в 80-х годах прошлого века да еще применительно к такой стране, как Россия, где пролетариат делал на арене освободительного движения лишь свои первые шаги, этого было вполне достаточно, тем более что о диктатуре пролетариата не говорилось и в программах других соци-

ал-демократических партий той поры.

Хотелось бы подчеркнуть, что, работая в 1899 г. над собственным проектом программы российской социал-демократии, Ленин обратился прежде всего к плехановским программным документам 80-х годов и дал им очень высокую оценку. «Несмотря на то, что он (плехановский проект. — C.T.) издан почти 15 лет тому назад, — писал Ленин, — он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне

современной социал-демократической теории»2.

В рассматриваемых нами программных документах группы «Освобождение труда» Плеханов провозглашал, что конечная цель социал-демократов состоит в коммунистической революции и полном освобождении труда от гнета капитала, которое может быть достигнуто лишь путем перехода всех средств производства в общественную собственность. Коммунистическая (т.е. социалистическая, выражаясь современным языком) революция, писал он, будет возможна только при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Что касается России, то здесь трудящиеся массы находятся под двойным гнетом развивающегося (но не ставшего еще господствующим) капитализма и отживающего

 $^{^1}$ См.: Жуйков Г.С. Группа «Освобождение труда». М., 1962. С. 62—64; Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. С. 108—112; История марксизма-ленинизма. М., 1990. Т. 2. Ч. 2. С. 111—113.

² Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 380.

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 378. ² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216—217.

патриархального хозяйства. Поэтому ближайшей целью рабочей партии, которую предстоит создать в России, явится завоевание демократической конституции, введение всеобщего избирательного права, бесплатного и обязательного светского образования, свободы слова, печати, собраний, ассоциаций, передвижений и занятий, уничтожение сословного строя, замена постоянной армии всеобщим

вооружением народа1.

Плеханов подчеркивал, что усилия революционной интеллигенции должны быть направлены в первую очередь на организацию и повышение уровня сознательности промышленных рабочих. «Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, - писал он. - социал-демократы могут с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России»2. Вместе с тем Плеханов констатировал, что русское революционное движение, торжество которого пошло бы прежде всего на пользу крестьянству, «почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства»3. И хотя последний тезис можно отнести к числу некоторых публицистических преувеличений, Плеханов в целом справедливо отметил здесь те трудности, с которыми неизбежно должна была столкнуться рабочая партия в российской деревне.

Вновь коснулся Плеханов и вопроса о судьбе крестьянской общины. «Патриархальные, общиные формы крестьянского землевладения, — писал он, — быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций». Исходя из этого, Плеханов предлагал предоставить право отказа от надела и выхода из общины тем крестьянам, которые найдут это для себя удобным. Тем не менее, — и это очень важно подчеркнуть, — пролетарская революция, как считал Плеханов, может радикально изменить судьбу общины и крестьян-общинников. «Ее разложение, — заключал он, — неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не

создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства» 1.

Не будет преувеличением сказать, что первая половина 80-х годов была ознаменована подлинным взлетом творческой активности Плеханова, хотя сегодня в исторической ретроспекции к его ранним марксистским работам можно было бы предъявить и определенные претензии: отсутствие четкой постановки вопроса о типе капиталистического развития России и сведение ее отсталости от Запада к чисто количественным показателям без достаточного учета особого места нашей страны в мировой цивилизации; абсолютизация на этой почве идеи «догоняющего развития» России; не всегда оправданные восторги перед российским пролетариатом, большинство которого в то время представляло из себя еще полукрестьян-полурабочих; явно недостаточное внимание к теории аграрно-крестьянского вопроса и т.д.

Наверное, можно было бы пожелать молодому Плеханову большей широты взглядов, лучшего знакомства с Россией и ее народом, меньше прямолинейности в его неукротимом западничестве. Но не будем забывать о его молодости и о том, что в России, говоря словами Л.Н.Толстого, все еще только начинало «укладываться» после реформ 60-70-х годов на новый, буржуазный лад и что она всегда была страной крайностей во всем, включая ее революционную мысль и революционное дело. А если это так, то будем справедливы к нашему герою, который при всех своих выдающихся способностях оставался сыном своей страны и своего времени.

Но остается еще один важный вопрос. А что же произошло с народничеством после разрыва с ним Плеханова и его товарищей? Идейный крах, полное разочарование в крестьянском социализме его прежних сторонников, уход в историческое небытие? Нет, все было гораздо сложнее. Кризис 1880 – 1890-х годов действительно оказался очень глубоким, но не смертельным для народнического движения, хотя оно сильно пострадало после драмы 1 марта 1881 г. от преследования властей, внутренних неурядиц и критики со стороны бывших товарищей, в том числе и Плеханова. За убийством Александра II последовало крушение надежд на введение конституции, разочарование в эффективности народовольческого террора. рост сомнений в правильности самой народнической доктрины. Однако на позиции марксизма перешла лишь небольшая часть народников. Большинство же уцелевших от арестов и каторги либо затаилось до лучших времен, либо занялось «малыми делами» в земствах и различных культурно-просветительных обществах, либо предпринимало иногда отчаянные попытки продолжить борьбу с самодержавием прежними методами (самым ярким примером такого

Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 379-380.

² Там же. С. 381.

³ Там же. С. 378.

¹ Плеханов Г.В. Избр. философск. произв. Т. 1. С. 378, 380-381.

рода было дело Александра Ульянова и его товарищей). Что касается плехановской критики народничества, то она убеждала далеко не всех, да и сам тон и приемы полемики Плеханова коробили очень и очень многих.

Как бы стремительно ни развивался в России капитализм, но молодой рабочий класс оставался еще во многом «вещью в себе» и таил не меньше загодок, чем крестьянство, на идеализации которого обожглись в свое время многие народники. Поэтому восторги марксистов перед новым социальным кумиром — пролетариатом казались части народников лишь очередным романтическим увлечением русской интеллигенции. Наконец, и само народничество обладало еще значительными резервами для своего обновления и развития с учетом тех изменений, которые вносил в жизнь российского общества капитализм. Не случайно на рубеже XIX-XX вв. в России возникло непрерывно набиравшее силу неонародническое движение, а в начале 1902 г. оформилась партия социалистов-революционеров, скорректировавшая свою платформу с учетом новых реалий и сделавшая несколько шагов навстречу марксизму, но оставшаяся тем не менее прямой наследницей революционных народников 1870 — начала 1880-х годов. Больше того, социал-революционаризм стал высшим этапом в развитии народничества, которое за полвека своей эволюции превратилось из сравнительно узкого, в основном интеллигентского течения во влиятельное, достаточно массовое радикальное движение, в идеологии которого представления о российской самобытности тесно переплетались с мечтой о будущем демократическом социализме без диктатуры какого-либо одного класса, перманентного насилия над большинством народа и отрицания любого плюрализма.

Интересно отметить, что и сам Плеханов, продолжавший на протяжении многих лет критиковать народнические и неонароднические взгляды, пришел в конце концов к выводу, что рано или поздно после острейшей идейной борьбы эсеры и социал-демократы сольются в одну партию, еще раз продемонстрировав на собствен-

ном примере, что такое ирония истории.